

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА ЛЕНИНИЗМА
ПРИ Ц. И. К. С. С. Р. ГРУЗИИ

Ф. МАХАРАДЗЕ

ГРУЗИЯ
В ДЕВЯТНАДЦАТОМ
СТОЛЕТИИ

347

ЗАККНИГА

1933

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦИК ССРГ

Ф. МАХАРАДЗЕ

Махарадзе

Г Р У З И Я

В XIX СТОЛЕТИИ

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ЗАККНИГА

1933

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	3
I. Крепостное право	13
II. Система управления. Крестьянские восстания	21
III. Заговор против русской власти в 1832 г.	54
IV. „Июльские дни“ в Тифлисе в 1865 г.	59
V. Население	65
VI. Торговля и промышленность	73
VII. Колонизация Грузии	87
VIII. Литература, школа, просвещение	90
Заключение	103

Тип. им. А. Ф. Мясникова. Изд-ва „З. В.“

Зак. № 3271 Уполн. глава. А— 44 Тираж—3000

В В Е Д Е Н И Е

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУЗИИ В XIX СТОЛЕТИИ.

С девятнадцатого века Грузия начинает жить в совершенно новых условиях. Чтобы яснее представить себе экономическую, общественную и культурную жизнь Грузии в истекшем столетии, необходимо, хотя-бы очень бегло, охарактеризовать состояние Грузии к концу восемнадцатого столетия.

Известно, что в XVIII веке, как и раньше, Грузия не составляла уже одного цельного государства. Она была разделена на два царства (собственно Грузинское или Карталино-Кахетинское и Имеретинское) и три самостоятельных княжества (Гурия, Мингрелия, или Одиши, и Сванетия). Грузия представляла собой географический термин, в действительности же, как политическое целое, она не существовала. Между этими пятью феодальными единицами происходили постоянные раздоры и междоусобицы, часто доходившие до кровопролитных войн.

Но раз'единение единого по языку и культуре народа не ограничивалось этим: каждое царство и каждое княжество делилось еще, в свою очередь, на отдельные полусамостоятельные и замкнутые владения — эриставства¹, возглавляемые знатными княжескими родами. Эти последние также вечно враждовали между собой. У всех этих царств, княжеств и эриставств только и оставалось общего, что все они были населены грузинскими племенами, говорившими на общем для всех языке, если, конечно, не принимать во внимание различных диалектов.

Внутренние раздоры и войны не давали покоя стране. Но еще большим несчастьем являлись внешние враги: турки, персы, дагестанские горцы и пр. Одно обстоятельство усугубляло и без того затруднительное положение Грузии:

¹ «Эристави» буквально означает «глава народа».

все ее внешние враги были мусульмане. Они систематически, непрерывно нападали на Грузию, тысячами забирая людей в плен и разоряя страну. Упорно пытались обратить население Грузии в мусульманскую веру. Благодаря этому, война принимала религиозную окраску, и выходило так, как будто народы истребляют друг друга из-за веры, а не из-за материальных интересов. Господствовавшие классы побуждали народные массы драться для защиты своей веры. Этот прием, естественно, вызывал и усиливал среди враждовавших религиозный фанатизм, чем, разумеется, ловко пользовались цари, дворянство и высшее духовенство — католики, митрополиты и епископы.

В конце XVIII столетия Грузия вся была окружена мусульманскими владениями. Даже с севера Грузию окаймляли мухаммеданские народности: различные народы Дагестана, чеченцы и пр. В такое положение попала Грузия еще после взятия Константинополя турками в середине XV века. Завоеватели постепенно распространяли свое влияние на все побережье Черного моря. Так среди мусульманского мира очутилась сравнительно маленькая Грузия. Казалось, будто этот мусульманский мир был объединен против Грузии, придерживавшейся другой веры. В продолжение нескольких веков эти два мира воевали друг против друга беспощадно. Горсточка грузин защищалась отчаянно. Не имея ни откуда ни защиты, ни помощи, они были предоставлены самим себе. Ясно, что грузины не могли сопротивляться без конца.

Прежде всего, Турция постепенно овладела южными и юго-западными провинциями Грузии, как, например, Джавахетией (бывш. Ахалкалакский уезд), Самцхе-Саатабаго (бывший Ахалцихский уезд), Ардаганом, Шавшетией и Аджаристаном. Большинство населения этих провинций было насильственно обращено в ислам, или переселено в глубь Турции. В конце XVIII века все эти провинции, также Абхазию и гор. Поти¹) занимала Турция.

Также поступала с другой стороны Персия. Еще в начале XVII века шах Аббас I разорил и опустошил Восточную Грузию, но он не удовлетворился этим. Зная упорство гру-

¹ Гор. Поти был отвоеван русскими в 1809 г. после трехмесячной осады.

зин, шах согнал с земли массу народа, преимущественно крестьян, и переселил их в глубь Персии, поселив на их землях правоверных мусульман.

Таким образом, Грузия на протяжении многих веков постепенно ослабевала, то в силу феодального гнета, господствовавшего в стране, то в силу нескончаемых, непрерывных войн как внутри страны, так и извне. Вследствие этого когда-то богатая, сильная и сравнительно плотно населенная Грузия во второй половине XVIII века представляла собой печальное зрелище. С одной стороны, внутренние раздоры и крепостное право, а с другой, бесконечная борьба с Турцией и др. странами довели Грузию экономически и культурно до крайней степени истощения и изнеможения.

Я не буду останавливаться более подробно на причинах, приведших Грузию к такому плачевному концу.

Еще в 1900 году (журнал «Квали» № № 1, 8, 9, 12) я посвятил этому вопросу обширную монографию (статью) под заглавием «Экономическое положение Грузии в 19-м веке». Характеристика положения вещей в конце XVIII века, сделанная мной в этой монографии, сохраняет свое значение и теперь. Вот что было сказано там: «Материальное разорение народа, являвшееся прямым следствием крепостного права, отодвинуло общественную жизнь назад и совершенно обессилило государство».

Внутренний строй во всех этих частях Грузии был одинаков, везде он имел одинаковый фундамент. Все эти области экономическим гнетом и разорением были доведены до такого состояния, что ни одна из них уже не могла защищать свою политическую самостоятельность. Чтобы подавить внутренние смуты и защитить государство от внешних врагов, царь Ираклий II был вынужден образовать наемные отряды из дагестанских горцев, что требовало ежегодного расхода в 60-100 тысяч рублей. Это означало уменьшение народонаселения, движение которого безошибочно показывает экономическое положение страны. Количество грузин, достигавшее раньше нескольких миллионов, в конце XVIII века упало до 300 тыс. Это был грозный сигнал.

Оба упомянутых выше царства утратили политическую независимость. Восточная Грузия уже с давних пор считалась персидской провинцией, а западная находилась в подчинении Турции. Феодальный строй находился в состоя-

нии разложения, и государственные расходы уже не покрывались доходами. Для увеличения этих доходов царь Ираклий II отбирал у князей имения и, тем самым, в лице многих феодалов нажил себе сильных врагов.

Весь государственный доход Восточной Грузии к тому времени еле достигал 90.000 рублей. При тогдашнем уровне развития производительных сил не было никакой возможности увеличить эту цифру. К тому же производство постепенно падало. Так, например, к концу XVIII века сильно сократилось шелководство, которым страна, по словам Олеария, раньше была чрезвычайно богата. Такая же участь постигла и горную промышленность.

В 1763 году, по предложению царя Ираклия, греко-горнорабочие стали разрабатывать серебро - свинцовые и медные рудники в Ахтала и Алаверды, в Борчалинском районе. Эти рудники в первое время давали казне дохода до 15.000 руб. в год. Но в конце века рудники и поселок были разорены постоянными набегами дагестанских горцев, и работы были прекращены.

Что же касается Имеретии, то экономическое положение ее было гораздо хуже, так как ее доходы были втрое меньше доходов Восточной Грузии. Продукты крестьянского труда присваивались сильными князьями, перед которыми склонялись сами цари. Там, где почти 22 века назад процветали города, богатства и мировые обороты которых славились везде, уже нельзя было найти ни одного города, ни одного даже плотно населенного местечка, за исключением Кутаиса, который более похож был на село, чем на город. А сам народ, униженный и разоренный хищным дворянством, был окончательно пришиблен и раздавлен. Чтобы грузинский народ совершенно не исчез с лица земли, необходимо было: 1) если не уничтожение полностью самовластия и произвола отдельных феодалов, то, по крайней мере, обуздание их; 2) обеспечение от нападений внешних врагов и 3), прежде всего, создание в самой стране каких-нибудь новых материальных источников для существования. Было ясно, что к концу XVIII века ни одно из этих условий нельзя было осуществить внутренними силами. Таким образом, исторический процесс, продолжавшийся более, чем 2000 лет, привел Грузию к ужасному кризису. Перед ней стояла дилемма: или смерть, или коренное изменение прежних ус-

тов жизни. XIX век решил эту дилемму в смысле последнего выхода. Установление русской власти в Грузии не было результатом решения одного человека. Оно являлось исторической неизбежностью.

Если теперь мы бросим взгляд назад и посмотрим на жизнь Грузии до XIX века, то нашим глазам предстанут две картины: с одной стороны, свободные общины, затем богатые города, колхидские купцы, ведшие торговлю в широком масштабе, дороги, по которым сообщение было свободно и т. д., а с другой — страна, разоряемая и раздираемая на части внутренними и внешними врагами, населенная народом, огромное большинство которого, лишенное всяких человеческих прав, находилось в материальной и духовной нищете.

Последние столетия истории Грузии, по сравнению с предшествовавшими стадиями развития феодальной формации, были периодом разложения феодализма; страна, вместо движения вперед, деградировала. Уничтожение вольных общин — «теми» — везде было результатом экономического развития. Грузия же надолго застряла на второй ступени развития.

Сам собой возникает вопрос: были ли в тогдашней Грузии общественные классы или отдельные деятели, которые бы чувствовали или понимали ту опасность, перед которой стояла тогда Грузия?

Прежде всего, позволительно спросить: о каких именно общественных классах или сословиях может быть тут речь? Известно, что в феодальную эпоху в Западной Европе и в России возникла и развилась довольно сильная торговая буржуазия, которая впоследствии сыграла решающую роль в преобразовании феодального общества в буржуазный строй. В Грузии же в XVIII веке более или менее влиятельного торгового класса, как такового, почти еще не было. Правда, в жизни Грузии были периоды (напр., XII — начало XIII столетия), когда, благодаря сравнительно благоприятным условиям, как внутренним, так и внешним, в рамках феодального способа производства в значительной степени развилась торговля, что содействовало усилению роли и влияния торгового (купеческого) сословия на тогдашнюю общественную и государственную жизнь страны, но когда эти благоприятные условия изменились в сторону ухудше-

ния, то, естественно, и торговая деятельность пришла почти в полный упадок, в особенности после занятия турками Константинополя. Таким образом к концу XVIII столетия как в Грузии, так и во всем Закавказьи вообще не было ни внутренних, ни внешних условий для развития торговли, а, следовательно, и для развития торгового капитала и его накопления. Это не значит, что не было ни торговли, ни купцов, нет — существовала и торговля, были и торговцы. Но все это было настолько слабо, что ни то, ни другое не оказывало хоть сколько-нибудь заметного влияния на общественную и государственную жизнь народа. Вершителями судеб страны оставались опять-таки цари и придворная знать, в общем класс феодалов-землевладельцев, светских и духовных, и если кто-нибудь, хоть в какой-либо степени, — то это были именно эти слои. Разумеется, в данном случае, в них могло говорить лишь чувство самосохранения или спасения своей собственной шкуры. Но спасти положение это разлагавшееся сословие с царем во главе, понятно, не могло.

Тем не менее, нельзя не упомянуть тут о некоторых фактах и документах, свидетельствующих о том, что упомянутыми слоями эта опасность тогда сознавалась, и для ее предотвращения принимались различные меры. Сперва думали защитить себя от внешних врагов с помощью европейских государств. С этой целью в начале XVIII века царь Вахтанг VI послал известного писателя и ученого Сабана - Сулхана Орбелиани к европейским дворам. Но из этого ничего не вышло. Затем феодалы обратили взор на «единоверную» Россию (и Грузия, и Россия исповедывали христианскую веру, к тому же «православную»). Еще в 1783 г. царь восточной Грузии Ираклий II заключил договор с Екатериной II, по которому Грузия теряла самостоятельность и подпадала в вассальную зависимость от России.

Но договор этот не осуществился, и вскоре после этого, в 1795 году, персидский шах Ага - Мухаммед - хан разорил и сжег до тла Тифлис с окрестностями. Это новое вторжение персиян было вызвано мстостью за то, что грузинские феодалы протягивали руки за помощью к России.

После смерти Ираклия II (1798 г.) и вступления на царство его бездарного сына Георгия XII, критическое поло-

жение Грузии достигло высшей точки. Этот период завершился актом 12 сентября 1801 года. В этот день в Москве был издан манифест, вовсе упразднявший Восточно - Грузинское царство и присоединявший его к России в качестве простой губернии.¹

Само собой разумеется, такая же участь постигла постепенно и остальные части Грузии, т. е. — царство Имеретинское и княжества Гурийское, Мингрельское и Сванетское, а затем и все Закавказье. Если до тех пор русское самодержавие не могло вести в Закавказьи энергичной завоевательной политики, то после этого эта империалистическая политика русского самодержавия начинает развиваться довольно быстрым темпом.

Разумеется, для тогдашней Грузии иного пути, кроме присоединения к России, не существовало; без этого ее ожидало лишь физическое вырождение. Но это «присоединение» произошло отнюдь не «добровольно». Наоборот, — это был настоящий насильственный акт, или, говоря правильнее, целый ряд насильственных актов, сопровождавшихся, с одной стороны, обманом, лицемерием и фальшью, а с другой — жестокими кровавыми войнами. «Добровольное присоединение» Грузии к России, о чем верные стражи самодержавия целый век трубили на весь мир, просто сказка. Это «присоединение» и его последствия огнем и мечом вписаны в историю Грузии.

Совершенно другой вопрос, могли ли грузинский народ иным путем, при создавшихся условиях, избежать физического вырождения, на пути которого он уже стоял в то время. Мы уже ответили на этот вопрос: нет, не мог избежать. Мы говорим: как бы то ни было, «присоединение» Грузии к России означало конец, или, во всяком случае, начало конца общественно - правового и экономического строя старой

¹ Для более подробного ознакомления с историей издания этого манифеста читатели могут обратиться к помещенной в грузинском журнале «Квали» за 1901 г. статье под заглавием «Присоединение Грузии к России» (№ 38). В этой статье фактическая сторона освещена довольно объективно. Что же касается двух монографий З. Авалишвили и Хелтуплишвили, то обе эти монографии пропитаны крайним национализмом; в обеих факты освещены слишком односторонне и потому при пользовании ими нужна большая осторожность.

Грузии и подготовку почвы для новой Грузии. С этой точки зрения, «присоединение» или, вернее, завоевание Грузии царской Россией имело положительные последствия для истории Грузии. Само собой понятно, что такой взгляд отнюдь не означает оправдания насильственного захвата.

На протяжении двадцати веков производственные отношения в Грузии в основном не подвергались изменениям. Они стояли почти на одном и том же уровне. С этого же момента все начинает сравнительно очень быстро меняться. Еще 28 лет тому назад я писал в вышеуказанной статье: «На протяжении 19-го века Грузия испытала глубокие общественно - политические изменения. То, что в продолжение веков оставалось неподвижным, в этом веке испытало глубокие перемены и приняло совершенно иной вид. Весь феодальный строй во всех частях Грузии, основанный на феодально - крепостническом фундаменте, навсегда рухнул в 19-м веке. Экономический прогресс создал новую эпоху, с которой начинается выступление грузинского народа на арену современной гражданской жизни».

Эти изменения с особенной силой выявились лишь во второй половине прошлого века. В первой половине его мы видим еще достаточно сильный феодально - дворянский класс, хотя уже обреченный тенденциями развития производительных сил на гибель. Он уже был лишен политических прав, но еще пользовался влиянием в глазах русского правительства, которое старалось материальными подачками и привилегиями задобрить его. При таких условиях нельзя было даже думать об улучшении положения крестьянства. Князья и дворяне еще больше усиливали эксплуатацию и порабощение крестьян, стремясь увеличить выжимаемый из крестьянского труда прибавочный продукт. Но теперь этот гнет сопровождался еще новым гнетом в виде созданного русским самодержавием бюрократического режима. Возникла армия чиновников - бюрократов, которая вовсе не считалась с народом, и которая, наоборот, изобретала все новые и новые способы для большего угнетения крестьян. Таким образом, вместо одного ярма, народ очутился под двойным ярмом.

Народ не сразу привык к режиму, который Россия ввела со времени завоевания Грузии, он не мог мириться с ним, и свое недовольство выражал не раз.

Историю Грузии XIX столетия мы можем разделить на два периода. Первый период начинается с присоединения до 50-х годов прошлого столетия, второй — с 50-ых годов до конца XIX века. В первый период мы видим еще достаточно сильное дворянство и в то-же время уже укрепившийся бюрократический режим. Эти две силы противостоят огромному большинству народа — крестьянству и ведут против него борьбу.

Крестьянство исключено из общественной жизни. Оно испытывает безграничный гнет и страдания; оно волнуется и устраивает восстания. Натуральное хозяйство, крепостное право, замкнутая жизнь, — все это еще сохраняет силу и значение. Старые царства и княжества давно уничтожены, но прежние деления все еще существуют: Имеретия, Гурия, Мингрелия, Карталиния и Кахетия — каждая из них еще живет для себя, замкнуто и обособленно.

Еще не видно зарождения новой культуры, новой литературы, если не принимать во внимание то обстоятельство, что время от времени издавалась грузинская газета. В этой безотрадной обстановке заметно лишь одно положительное явление: я имею в виду прекращение нападений со стороны внешних врагов. Русское самодержавие смогло их обуздать. Это уже означало физическое спасение народа.

Эта мрачная и тяжелая картина начинает изменяться с конца пятидесятых годов. На этом более подробно остановимся ниже.

Жизнь Грузии в XIX веке до сего дня изучена и освещена далеко недостаточно. Между тем, мы имеем ценнейшие материалы для изучения этой эпохи.

Многое еще лежит в архиве почти совершенно нетронутым или пропадает; большая часть этих материалов совершенно недоступна для большинства. Необходимо, наконец, полностью использовать весь этот богатый материал для должного освещения истории Грузии XIX столетия.

Я уже сказал выше, что жизнь Грузии протекала в необычных условиях. Здесь мы имеем дело с одним чрезвычайно важным фактом: несмотря на то, что Грузия в конце XVIII века была разделена на ряд мелких политических единиц, тем не менее она все еще сохраняла видимость какой-то политической независимости. В начале же XIX века

она потеряла даже и эту видимость, превратившись в обыкновенную провинцию Российской империи.

В конце XIX века Грузия уже больше не похожа на Грузию начала того-же столетия. Грузия теперь в некотором отношении объединена на экономической основе, и подготавливаются условия для ее политического возрождения. И условия эти продолжают зреть, несмотря на жестокую обрусительную и колонизаторскую политику, длившуюся целое столетие на всех поприщах государственной и общественной жизни.

Как раз здесь-то и проявляется диалектика исторического процесса во всей своей силе.

1. КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

В начале XIX века в Грузии господствовало натуральное хозяйство, товарно-денежные отношения были развиты слабо. Промышленность почти совершенно отсутствовала. Внешняя торговля велась, главным образом, с Персией и Турцией (соль, железо, ткани и пр.).

Торговлей занимались преимущественно армяне и евреи.

Причину такой экономической отсталости нужно искать, прежде всего, в бесконечных войнах, которые приходилось Грузии постоянно вести.

Но главное зло заключалось в крепостном праве.

Немного позднее, приблизительно в 50-х годах, когда крепостнические отношения приняли очень острый характер, некоторые писатели, вышедшие из дворянства — Вахтанг, Григорий и Александр Орбелиани, а также известные писатели-поэты Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели и их последователи, доказывали, будто-бы крепостное право в Грузии в старое время имело характер отеческого попечения дворян над крестьянами, и, собственно, крепостное рабство в Грузии ввели русские.

Такое мнение было грубым искажением истории.

Нужно полагать, что грузинским дворянским писателям было стыдно признаваться в существовании того безобразного и гнусного строя, на котором держалось собственное их благополучие. С другой стороны, они были невольны присоединением Грузии к России и потерей независимости, так как с ее потерей крупное дворянство потеряло также политическую власть и влияние.

Поэтому эти писатели из дворян идеализировали старую Грузию и даже отрицали существование в ней крепостного права.

Что крепостное право существовало в Грузии с давних времен, что оно приближалось к прямому рабству, что оно было узаконено царем Вахтангом VI еще в начале XVIII ве-

ка, и дальнейшая практика крепостного права еще более ухудшила положение крепостных и далеко оставила за собою законы Вахтанга,—все это в настоящее время является бесспорным фактом.¹

Еще до «присоединения» Грузии к России здесь существовало ужасное и позорное явление—торговля крепостными крестьянами. По этому вопросу мы располагаем достаточными данными, особенно в отношении Западной Грузии. Здесь велась в крупных размерах торговля крепостными крестьянами с Турцией. Состоятельные турецкие паши покупали, главным образом, молодых грузин и грузинок. Один русский чиновник, по фамилии Симонович, посетивший Западную Грузию в начале XIX века, в своем докладе, между прочим, писал: «Абхазец, мингрелец и гуриец не пропустит ни одного случая, чтобы не похитить молодого юношу и девушку для продажи в Турцию. К этому несчастью нужно добавить еще вражду дворян между собой. Они похищают друг у друга подданных и продают их в Турцию».² Продажа помещиками своих крепостных крестьян, в особенности мальчиков и девочек, т.-е. работоторговля, имела место в ту эпоху, о которой здесь идет речь, и в Абхазии.³

Что грузинские дворяне продавали своих крепостных крестьян в Турцию, это подтверждает, между прочим, также известный грузинский писатель Саба-Сулхан Орбелиани, который в 1716 году сам видел в Батуме проданных помещиками крепостных.⁴

Какие же изменения произошли во взаимоотношениях между помещиками и крепостными крестьянами после «присоединения» к России? Повлекло-ли за собой это обстоятельство улучшение положения крепостных и вообще кре-

¹ По этому вопросу существует интересное исследование проф. А. Хаханашвили—«Крепостное право в Грузии». Автор настоящей работы также посвятил этому вопросу несколько статей, напечатанных ранее в журнале «Квали».

² Акты Кавказской археографической комиссии, т. III, стр. 408.

³ См. Г. Хачапуридзе—«Крестьянские движения в Грузии в XIX столетии».

⁴ См. «Материалы по крепостному праву», собранные З. Чичинадзе на протяжении нескольких десятков лет. В этой книге имеются весьма ценные данные из истории крепостного права в Грузии

стьян, или оно больше ухудшило их положение? Прежде всего, нужно отметить, что «присоединение» Грузии к России не улучшило положения крепостных, а еще более ухудшило его, так как грузинские помещики теперь прилагали все свои усилия к тому, чтобы усилением эксплуатации — разными оброками и податями еще больше закабалить своих крепостных, нежели это было раньше.

Общее число помещиков в отношении ко всему населению в Грузии было значительно больше, чем в России¹, и некоторые из этих помещиков имели подчиненными не только крестьян, но и дворян (так называемых азнауров), которые, в свою очередь, также имели своих крепостных.

С водворением русской власти в Грузии потребности грузинских помещиков значительно возросли, вместе с тем, возросла и нужда их в деньгах, и они стали самым беспощадным образом грабить своих крестьян; заклад, купля и продажа крепостных стали обычным явлением, вследствие чего положение их становилось все более и более невыносимым.

В «материалах», собранных З. Чичинадзе, приводится масса фактов распродажи крепостных, начиная с 1819 года вплоть до конца 50 годов прошлого века. Крепостных крестьян теперь продавали уже как на публичных торгах, так и без таковых. Приведем здесь несколько образчиков этой возмутительной торговли.

1. В одном из номеров грузинской газеты «Сакартвелос газети»² за 1819 г. напечатаны следующие объявления: «Торги. Житель Горийского уезда, села Даври, крепостной Бардзима Мачабелова, Датва Кванганадзе будет продан со своей женой, сыном, дочерьми, племянником Нонией и с виноградным садом за долг в 123 рубля, каковую сумму Мачабелов должен дворянке Елизавете Габашвили. Срок продажи 20 ноября и 6/20 декабря».

¹ В 50-ых годах, на основании не вполне точных данных камерального описания, в Тифлисской губ., в среднем на каждого помещика приходилось по 10 дворов (дымов) или 38 душ крестьян мужского пола, в Кутаисской губ. еще меньше — всего по 5 дворов, или по 20 душ мужского пола.

² «Сакартвелос газети» была основана в 1818 г., и она прекратила свое существование в 1821 г. Это была первая ежедневная газета на грузинском языке.

2. «Проживающие в сел. Пичхи, Телавского уезда, восемь дымов крепостных, принадлежащих губ. секретарю Патиеву, будут проданы в покрытие долга 1120 руб., каковую сумму он должен губ. секретарю кн. Мелик-Заде Бебутову».

3. Из газеты «Кавказ» за 1846 г., 20/II: «За долг Давида Заалова, Бежана Каншиева и Палавандова проданы будут его же крепостные: в деревне Ергеты, Горийского уезда, одно семейство крестьянина, состоящее из двух мужчин и одной женщины. Еще одно семейство и три виноградника, в удовлетворение — Сосиа Сулханишвили, Ивана Цуханишвили и Ованеза Горзашвили — за кражу свиней у вышеупомянутых князей, — все оценено в 1858 руб.».

4. «В 1846 г. 19 февраля за долг Нико Амилахвари, будут проданы 19 дымов — его же крепостных, которые живут в сел. Коробохи, Горийского уезда. Они имеют пастищные места, 30 дгиури (дгиури — полдесятины) пахотной земли, несколько виноградников и др., — все оценено в 7.412 руб.».

5. «В 1853 г. 16 февраля, за долг Зураба Эристового будет продан 41 дым из его же крепостных, из них 145 мужчин, 116 женщин; они живут в Кутаисской губ., в Шорапанском уезде: 23 дыма в сел. Свири, 9 дымов в сел. Бослеви, 3 дыма в сел. Скиндори, 3 дыма в сел. Итквиси, 1—Береили, 2—в сел. Мандаети, и все это оценено в 11.184 руб. 50 коп.».

6. «В 1853 г. 20 апреля за долг Симона Абашидзе будут проданы 13 дымов его крепостных, из которых 4 дыма живет в сел. Наварзеви—из этого числа 17 мужчин; в сел. Кицхи—7 дымов, из них—30 мужчин; 2 дыма в сел. Рквиа, из них 12 мужчин. Все они со своими движимым и недвижимым имуществом и принадлежностями оценены в 1700 р.».

Такие случаи публичной продажи крепостных с объявлениями в газетах лишь капля в море. Можно сказать, что в те проклятые времена ни один товар не был таким ходким, как крепостные рабы. Их продавали и в Грузии и за границу, преимущественно в Турцию, снабжавшую ими всю Малую Азию и побережье Средиземного моря. Этим возмутительным и позорнейшим делом занималось так называемое сиятельное дворянство. Продавали целыми семьями, но еще чаще — по одиночке: сына продавали одному, отца

—другому, мать—третьему и т. д. Вместе с тем, ограбление и разорение семейств крепостных дворянами и изнасилование ими жен крепостных крестьян и их дочерей, — все это было самым обычным явлением в Грузии в первой половине XIX века. Благодаря всем этим явлениям, естественно, положение крестьян, в особенности же крепостных, обострилось до крайности. Многие из них предпочитали бежать в леса и горы, промышляя разбоем, меняли религию, или покидали навсегда родину.

Таких случаев было очень много.

Участились и случаи мести со стороны крестьян своим угнетателям. Для иллюстрации приведем несколько случаев.

В 1810 г. крепостной крестьянин кинжалом зарубил своего господина Заала Бараташвили. Такая же участь постигла после этой истории князей: Бардзима Амилахвари, Мамамзе Эристового, целую семью Сумбатовых и пр.¹ Чем ближе к середине XIX века, тем все больше и больше учащаются такие случаи, и принимают, наконец, массовый характер.

Интересен вопрос, кто первый поднял голос против всех этих ужасов крепостного права. Известно, что когда Грузия была «присоединена» к России и была уничтожена власть грузинских царей, в народе разнесся слух об освобождении крестьян. К этим слухам особенно прислушивались крепостные крестьяне. Характерно, что в первой половине XIX века, вплоть до отмены крепостного права, среди грузинского крестьянства часто попадались такие крестьяне, которые открыто осуждали крепостное право, и, поскольку у них была возможность, они боролись против феодально-крепостнических отношений. Разумеется, здесь нет ничего невероятного: крестьян не только мучили и терзали, но буквально разоряли их хозяйство, и нет ничего удивительного в том, что крестьяне боролись всеми доступными средствами против своих угнетателей. Имена этих протестантов из крестьян остались неизвестными. Народный поэт увековечил только одного из них — Арсена Одзелащвили.

¹ См. материалы о крепостном праве в Грузии, т. I, стр. 162—163.

Чрезвычайно интересен вопрос, кто же первый поднял голос в литературе против крепостного права? Первенство приписывалось многим, но, оно, несомненно, принадлежит Даниилу Чонкадзе — автору «Сурамской крепости», напечатанной в 1859 г. В грузинской писательской среде того времени, сплошь состоявшей из дворян, рассказ Чонкадзе вызвал большое неудовольствие. Автору грозило убийство со стороны «обиженных» помещиков-крепостников, но он избег этого, так как после напечатания этого рассказа умер еще совершенно молодым человеком естественной смертью. Только через несколько лет (1863) в защиту покойного писателя первым поднял голос Антон Пурцеладзе. Но это случилось в то время, когда в России уже было отменено крепостное право, и в Грузии со дня на день ожидали того же¹.

Крепостное право отменили в Грузии не везде сразу: в Восточной Грузии этот акт объявили 13 октября 1864 г., в Западной — ровно через год, в Мингрелии — 1 декабря 1866 г., и, наконец, в Абхазии — в 1867 г. Считаю необходимым указать на следующее: отмена крепостного права, так называемая крестьянская реформа оказалась для Грузии несравненно более куцой, чем это было в центральной России. Самодержавие сделало все, чтобы в Грузии, как в колонии, максимально было сохранено господство крепостнических и кабальных отношений. Бывшие крепостные крестьяне были совершенно обездолены. Все земли, находившиеся раньше в их пользовании, были объявлены собственностью их бывших владельцев-крепостников — помещиков. При этом многие земли, находившиеся раньше в пользовании крестьян, отошли в пользу их бывших владетелей — дворян. Остальная часть земель была оставлена «освобожденным» крестьянам во временное пользование на весьма обременительных для крестьян условиях. Крестьянам не дали ни леса, ни пастбищ, ни водопоя. Все это было оставлено за помещиками. Таким образом, крестьян просто-на-просто ограбили, и это назвали «освободительной реформой». Правда, крестьян формально освободили, их нельзя было покупать и продавать, но фактически они попрежнему остались в экономической ка-

¹ Этот вопрос более подробно разработан мною в книге: «Д. Чонкадзе и его время», изданной еще в 1904 г.

бале у помещиков. Бывших крепостных назвали «временно-обязанными крестьянами». В то время, как институт временно-обязательных отношений в России ликвидировали в 1881 г., в Грузии крестьяне этого добились лишь в результате длительной борьбы в 1912 году. Выкупные же платежи в Грузии были прекращены лишь в 1917 г. Вот как заботилось русское самодержавие о грузинских крестьянах!

Благодаря такой «освободительной» реформе грузинские помещики ухитрились оставить вовсе без земли несколько десятков тысяч крестьянских дымов. В Тифлисской губернии не были наделены землей 1444 двора, или 8.200 душ. В это число входило 2294 души барской челяди; так называемых хизанов, или бессрочных арендаторов было 3843 души и 2080 душ, проживавших в городах. В Кутаисской губернии безземельных осталось еще больше. Если же и для этой губернии принять процент Тифлисской губ., там должно было остаться крестьян совершенно без земельных наделов более 4000 дымов, или почти 20.000 душ.

Кроме того, много «освобожденных» крестьян было переведено на положение хизанов, что сильно ухудшало их положение. В 1876 году насчитывалось 5977 дымов хизанов, или 36 проц. всех временно-обязанных крестьян, а в 1884 г. их было уже 6774 дыма. В Кутаисской губернии хизанов насчитывалось всего 2532 дыма.

Все обследования крестьянской жизни, производившиеся в конце прошлого и в начале текущего века, ясно показывали, что крестьянская реформа создала острое малоземелье грузинского крестьянства. Даже официальные данные тогдашнего правительства убеждают нас в том, что эта реформа лишь крестьянам крупных помещиков предоставила земли, и то в недостаточном размере; крестьян же мелкопоместных владельцев вовсе оставила без земли. Например, перепись конца XIX века говорит, что в Кутаисской губернии числилось 60—70 проц. крестьянских хозяйств, которые или испытывали острое малоземелье, или были совершенно безземельными.

Таким образом, крестьянская реформа в Грузии хотя и «освободила» крестьян от рабства, т. е. объявила личность «крестьянина юридически свободной, но зато экономически крестьянская реформа попрежнему оставила крестьян в ка-

бале у помещиков. Чтобы прокормить себя, крестьянин был вынужден или брать в аренду ту-же помещичью землю на совершенно невыгодных для себя условиях, или же уходил на отхожий промысел.

Кроме этого, после «освобождения» крестьян стали облагать еще всевозможными налогами и повинностями как в пользу помещиков, так и в пользу государства. Сельские власти также содержались за счет крестьян. К этому прибавились выкупные платежи. Следовательно, в конце прошлого века положение крестьян в Грузии было чрезвычайно тяжелое. Вообще же реформа усилила пролетаризацию крестьян. До нее один крестьянский дым Восточной Грузии имел земли в среднем 6 (5,9) десятин, после же реформы эта норма сразу упала до 3,9 дес. Из 84.665 десятин, находившихся в фактическом пользовании крестьян до реформы, оставили за ними после освобождения 55.679 десятин, т.е. лишили их 28.986 дес. Что же касается выкупа наделенных земель временно-обязанными крестьянами, то в этом отношении было такое положение: в восьмидесятих годов количество временно-обязанных крестьян в Грузии достигло 70 проц., количество же невыкупленных земель было еще больше, а именно 80 проц. Только в Тифлисской губернии, по данным 1904 г., числилось 2.702 помещика, владевших 17.467 дымами временно-обязанных крестьян. Таким же, если даже не хуже, было положение и в Кутаисской губернии. Все это создавало для крестьян невыносимую обстановку. Поэтому нет ничего удивительного в том, что грузинский крестьянин в начале XX века так сильно втянулся в революционное движение.

II. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Крестьянские восстания.

Как только был объявлен «манифест» о присоединении Грузии к России, в бывшем восточно-грузинском царстве было учреждено Верховное Грузинское правление, которое состояло из четырех «экспедиций» или отделений: 1) административных дел, 2) казны и экономических дел, 3) уголовного и 4) гражданского.

Гражданское судопроизводство в основном должно было руководствоваться кодексом царя Вахтанга и местными обычаями. В тех же случаях, когда в этих законах не оказывалось подходящей статьи, должны были применять русские законы; уголовные же дела рассматривались исключительно по русским законам. В каждом уезде введена была управа земской полиции. Она состояла из трех лиц: одного капитан-исправника, непременно из русских, и двух заседателей из грузин-дворян. Уездный суд также состоял из трех членов: одного комиссара, непременно русского, и двух заседателей — опять из грузин-дворян. Так был заложен у нас фундамент бюрократического управления.

Старый суд в Грузии также защищал интересы господствовавших классов, но, по крайней мере, одно преимущество его перед новым русским судопроизводством заключалось в том, что тогда все же считались с местными бытовыми особенностями и судопроизводство происходило на понятном родном языке. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первый же год «присоединения» кахетинцы послали императору Александру жалобу, в которой было сказано:

«По манифесту все должно было остаться по старому, на самом же деле капитан-исправник обходит села и публично объявляет, что он «моурави» и все дела должны быть передаваемы ему для рассмотрения». Весьма возможно, что

эта жалоба—дело рук дворянства, и мы имеем основание полагать, что это так и было. В 1802 г. 4 декабря ген. Кнорринг, главноуправляющий делами Грузии, писал главноначальствующему в Грузии кн. Цицианову:

«Когда управы земской помощи по обязанности своей должны были входить в разбирательство жалоб крестьян на своих помещиков за причиняемые ими насильства и притеснения, то сие было первым поводом для некоторых князей и дворян к неудовольствию на правительство...»¹.

По нашему мнению, эти соображения близки к истине. В качестве доказательства мы имеем и другие источники, например, ген. Лазарев писал:

«Дворянство грузинское, привыкшее к своеволию и грабежам, было недовольно тем, что капитаны-исправники не позволяли грабить и обирать подвластного им народа».

«Мы теперь все сравнены с мужиками»², — говорил Абашидзе Лазареву.

Мы знаем, что в первое время после аннексии Грузии Россией кахетинские крупные дворяне искали всяких причин и предлогов для восстановления крестьян против русского правительства. Они же требовали возведения на грузинский престол сына Ираклия II царевича Юлона.

Мы уже говорили, что русское правительство с самого же начала имело в Грузии противников. Они состояли, во-первых, из сыновей и родичей последних царей, во-вторых, из большинства князей и дворян. Причины легко понять: все они от присоединения Грузии к России потеряли много существенных прав и привилегий. Но интересно знать, о чем думало в это время грузинское крестьянство и как оно расценивало акт «присоединения», иначе говоря, было ли оно довольно новой властью?

Можно полагать, что оно встретило это «присоединение» достаточно равнодушно. Само по себе упразднение Карталино-Кахетинского царства не должно было вызвать ропота. Ничего хорошего крестьянство от своих царей не помнило. Но все зависело от того, каков был строй, при-

¹ См. Акты Кавказской археографической комиссии, т. I, стр. 406.

² См. Н. Дубровин — «Закавказье в 1803—1806 году». СПб, 1886 г., стр. 44.

шедший на смену старого режима, кто оказывался во главе нового управления и как подходил он к народу. В этом отношении трудно было рассчитывать на что-либо хорошее. Что хорошего могло дать народу русское самодержавие и его невежественные чиновники? Конечно, ничего хорошего от них ожидать нельзя было.

Вот что говорится в книге Дубровина:

«При личном обозрении мною владений здешнего края, я встретил многие беспорядки и злоупотребления со стороны образа нашего в оных управлениях и неудовольствие народа»¹.

Дубровин был прав. В народе началось брожение, скоро кончившееся восстанием 1802 года. Восстание повторилось среди горцев-грузин в 1804 г., а в Кахетии—в 1811-1812 г. Таким образом, в продолжение десяти лет было, по меньшей мере, три восстания.

Теперь со всей достоверностью известно, что крестьянские волнения и восстания в Грузии бывали и раньше. Во всяком случае, в отношении Восточной Грузии (именно Карталинии и Кахетии) на этот счет имеются уже документальные данные. По этим данным, крестьянские волнения в Восточной Грузии имели место еще с XVII столетия, но в XVIII веке волнения эти происходят все чаще и чаще и вместе с тем принимают характер настоящих восстаний. Разумеется, все эти восстания носили характер чисто стихийных вспышек. Причины возникновения восстаний лежали в усилении эксплуатации крепостных крестьян со стороны помещиков (цари, князья, высшее духовенство и т. д.), во введении новых налогов и повинностей и т. п. Разобрав целый ряд исторических документов, С. Какабадзе в своей интересной работе «Крестьянский вопрос и крестьянские движения в Восточной Грузии в XVIII веке»² приходит к заключению, что документы XVII и, особенно, XVIII в. в. отмечают целый ряд враждебных по отношению к помещикам актов и даже массовых крестьянских выступлений (стр. 167). Далее, перечислив целый ряд этих выступлений, автор гово-

¹ Там же, стр. 44.

² Указанная работа С. Какабадзе помещена в сборнике статей, под заглавием: «История классовой борьбы в Закавказье», Тифлис, 1930 г.

рит: «Все вышеприведенные факты, лишь частично, надо полагать, отражающие действительное положение вещей, достаточно ярко указывают на отдельные и довольно сильные крестьянские выступления в Восточной Грузии во второй половине XVIII в., имевшие определенно и ярко выраженный характер классовой борьбы. Крестьянские брожения часто при этом охватывали целые провинции, как это имело место около 1786 г. в Кахетии» (стр. 191, подчеркнуто мной.—Ф. М.).

Таким образом, уже в XVIII в. закабаление крестьян в Грузии дошло до таких пределов, что жизнь их стала невыносимой, и в связи с этим начинаются довольно сильные волнения и активные выступления крестьян с определенной целью освобождения от крепостной зависимости, или, по крайней мере, облегчения своей участи. Крестьянское движение в эту эпоху имело своеобразный характер, а именно, крестьяне, чтобы избавиться от крепостного гнета и эксплуатации, не только в одиночку, но и целыми селениями снимались с насиженных мест, переселялись в другие места, уходили в горы или же убегали в Турцию. Не редки были случаи, когда крестьяне учиняли над своими угнетателями расправу, уничтожая их физически. Но бывали случаи, когда крестьяне оказывали и открытое сопротивление особенно жестоким мероприятиям помещиков, направленным против интересов крестьян. В общем, взаимоотношения между крестьянами и помещиками в этот период уже чрезвычайно обострились; например, во владениях князей Цицишвили (Сацициано), где дело дошло до того, что враждовавшие между собой крестьяне, с одной стороны, и помещики—с другой, стали друг-друга истреблять, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Что же касается Западной Грузии, то за этот период каких-либо документальных данных о крестьянском движении в этой части Грузии пока не обнаружено, хотя положение крестьян, в особенности крепостных, как известно, там было еще хуже, чем в Восточной Грузии.

Из сказанного выше ясно видно, что крестьянские волнения на почве недовольства своим положением в Грузии имели место еще задолго до покорения Грузии Россией. Таким образом, движение крестьян, начавшееся в Грузии вслед за «присоединением» Грузии к России, от-

нюдь не являлось новым фактором в истории Грузии, непосредственно вызванным лишь этим актом. Основная причина, вызывавшая недовольство крестьян и их волнения, лежала в крепостничестве, т. к. крепостное право оставалось и при русском владычестве нетронутым. Но к этой основной причине, вызывавшей не только недовольство крестьян, но и их активные выступления против угнетателей и поработителей, а, следовательно, и борьбу между этими двумя общественными классами, прибавился теперь новый фактор в лице русского самодержавия и его агентов представлявший организованную военную силу, которую в любой момент можно было бросить против взбунтовавшихся крестьян. Благодаря этому обстоятельству, положение крестьян в значительной степени ухудшалось; теперь помещики имели готовую к их услугам и вместе с тем самую надежную силу для усмирения бунтовавших крестьян, в виде царских войск.

В силу этого, должен был измениться и характер крестьянского движения, так как при всякого рода движении крестьяне имели теперь дело не только с помещиками, у которых раньше не было достаточно организованной силы, чтобы силой подчинить крестьян, но и с сильным бюрократическим аппаратом царского правительства, а также с хорошо вооруженными регулярными воинскими частями. Таким образом, крестьяне, волей-неволей должны были вступать в борьбу в представителями царского правительства. С другой стороны, грузинские помещики, т. е. все дворянско-княжеское сословие, в некоторой степени обиженные и задеты русским самодержавием при насильственной аннексии Грузии и потому в первое время фрондировавшие против русской власти в Грузии, в скором времени поголовно примирившись с царским самодержавием, превратились в вернейших слуг монархии Романовых, ибо эта монархия, в свою очередь, крепко оберегала дворянство в борьбе с крестьянством. И мы видим, что в течение всего девятнадцатого столетия грузинское дворянство, опираясь на царскую монархию, вело самую беспощадную борьбу с крестьянами Грузии, подавляя всюду крестьянские восстания и разоряя крестьянские хозяйства. В этой борьбе и заключается главное содержание истории Грузии в XIX веке. Но эти факты подлинной истории до самого последнего

времени замалчивались историками Грузии, ее писателями, поэтами, публицистами. Вместо подлинной истории рассказывали всякие небывлицы и сказки, в которых палачи грузинских крестьян изображались настоящими радетелями и благодетелями народных масс. Задача марксистско-ленинской истории Грузии — покончить с этим наглым издевательством, с этой возмутительной фальсификацией истории Грузии.

В дальнейшем изложении я лишь в самых кратких чертах буду говорить о крестьянском движении в Грузии в XIX столетии, останавливая внимание читателя на главных моментах этого движения.

Русская власть в начале XIX века еще не была установлена в Западной Грузии. Что касается Восточной Грузии, то о восстании 1802 года до самого последнего времени почти ничего не было известно. Лишь недавно в Центрархиве ССР Грузии были найдены в высшей степени интересные материалы об этом восстании. Это первое по времени крестьянское восстание произошло в самом начале XIX века, вскоре после покорения Восточной Грузии царской Россией; оно было поднято южно-осетинскими крестьянами против своих угнетателей — грузинских князей-помещиков. Нужно полагать, что крестьяне Южной Осетии не в первый раз восставали против своих поработителей, но на этот раз восстанием был охвачен почти весь этот район. И вот, для подавления восстания и приведения крестьян в покорность русские власти, по просьбе грузинских помещиков, послали туда целый военный отряд. Разумеется, против этой силы крестьяне не могли устоять, и восстание было подавлено с ужасающей жестокостью. Но, как видно из материалов, крестьяне и после этого все-таки не успокоились, их поистине героическая борьба, как против крепостников-помещиков, так и против их защитника — царского правительства, — продолжалась почти непрерывно в течение нескольких десятков лет, вплоть до 50-60-х годов прошлого столетия. Но что же могла сделать эта маленькая горсточка крестьян против царского самодержавия? И вот, в результате отчаяннейшей борьбы, стоившей огромных жертв, крестьяне Южной Осетии были окончательно сломлены, при чем значительная часть осетинских крестьян была выселена из Южной Осетии и ста-

дельными группами расселена в разных местах Карталинии и Кахетии. Впоследствии (в 1920 году) меньшевики решили повторить этот опыт, т.е. совершенно очистить Южную Осетию от коренного осетинского элемента и заселить эту местность грузинами, но установление сов. власти в Грузии помешало им осуществить этот дьявольский план¹.

Восстание 1804 года подробно описал Ал. Пронели (Кипшидзе) в монографии «Мтиулетия в 1804 году». Это восстание в основном было вызвано возмутительными действиями русских чиновников и теми порядками, которые они насильственным образом вводили. Восстание приняло широкие размеры, и только-что водворившейся власти грозила серьезная опасность, если бы восстание своевременно не было подавлено. Поэтому русское правительство быстро мобилизовало все свои силы, чтобы, не дав восстанию разрастись, его немедленно раздавить.

Почти такой же характер носило восстание кахетинских крестьян в 1811—12 гг. Чтобы понять причины этого восстания, как и степень возмущения кахетинских крестьян, достаточно привести тут мнение, с одной стороны, главноначальствующего маркиза Паулуччи², а с другой, — жалобу жителей сел. Бодбисхеви.

Паулуччи в своем докладе приводит жалобу крестьян, в которой, между прочим, было сказано: «В то время, когда нами владели персияне, турки и лезгины, подобного угнетения Грузия не претерпевала, как теперь. Все обиды переносим мы из усердия к государю, но вырвать у нас жен из объятий, — этого мы не могли сносить... Мы получили за коду по 1 руб. 20 коп., между тем как сами покупали за 4 руб. коду³, и мы сами носили провиант в Потн».

Во втором докладе Паулуччи, касаясь кахетинского восстания, сравнивает его с французской революцией и указывает, как на причину восстания, на экзекуции, организованные правительством для сбора провианта.

При этом Паулуччи приводил заявление жителей сел.

¹ О восстаниях южно-осетинских крестьян более подробно смотри вышеупомянутую монографию т. Г. Хачапуридзе.

² См. Акты, т. V, стр. 61, 66.

³ Коди — мера для зерна, около 3—4 пудов.

Бодбисхеви, в котором эти последние жаловались на невероятное угнетение и произвол.

Я приведу еще несколько дословных выдержек из жалобы кахетинских крестьян, поданной маркизу Паулуччи, дабы мы могли себе представить то невыносимое положение, в которое попали крестьяне вследствие произвола царских чиновников.

«Все общество кахетинское в горах и на равнине живущее»,—говорится там,—«доносим, что мы малоопытны в письме и не можем понять вашего писания. Мы не изменили Христу, и не изменили государю и не преступники. Вы толкнули нас (очевидно на восстание. Ф. М.), что было от всемилостивейшего г. и. манифестом повелено, от вас не было исполнено; чего у нас не было, к тому, экзекуцией и штыками вы нас принуждали, убивая наших жен и детей; отняли у нас хлеб и голодом нас морили, а нам говорили, чтобы мы паслись на траве. Как младенцам пастись на траве? От нарядов у нас не стало быков, и в лесах не нашли более леса, даже для постройки ароб, и такой обиды не могли более стерпеть; чем человеку морить своих жен и детей, скорее убьет раньше других. Мы истинно знаем то, что г. и. народа истреблять не изволит. Повод дан вами; сойтись с вами нам более невозможно, мы рискнули и семействами и собою... Вы преступили повеление государя, и мы более не могли переносить несправедливости; нам с вами сойтись невозможно, мы так уже мертвы, и смерть нам не страшна,—мы подали просьбу, а вы не довели оной до г. и.; вы нас обманывали, и мы терпели, но терпеть более стало невозможно. Ныне конец, и мы готовы умереть»¹.

Можно было бы привести массу других аналогичных жалоб. Их много. Тон и содержание этих писем-документов ясно показывают, что чаша терпения переполнилась, и крестьяне взялись за оружие в полной уверенности, что они ищут правды.

Но у восставших не было уверенности в победе. Они знали, что сила на стороне насильников, и их ожидает гибель. Несмотря на это, в каждом их заявлении слышался крик о том, что они бьются за восстановление своих че-

¹ См. Акты, т. V, стр. 82.

ловеческих прав. Отчасти был прав маркиз Паулуччи, сам переживший великую французскую революцию, когда он кахетинское движение сравнивал с этой революцией. Конечно, между ними была громадная разница, но в кахетинском движении были элементы, напоминавшие маркизу события французской революции.

Кахетинское массовое движение было вызвано сильным голодом, разорением и упадком крестьянского хозяйства, происками высшего сословия, злоупотреблениями местных властей. Вновь назначенный главноначальствующим в Грузии Паулуччи вынужден был сознаться, что в Грузии ко времени его приезда имели место большие злоупотребления и безобразия, что крестьяне были совершенно правы, заявляя, что поводы и причины к восстанию дало само правительство.

Восстание было сурово подавлено, как подавлялись и другие восстания и до, и после этого. Оно обошлось крестьянской массе очень дорого. После этого Кахетия как будто надолго «успокоилась», ее наказали так жестоко, что она вынуждена была надолго замолчать.

В начале русского владычества такие же восстания происходили также и по всей Западной Грузии—в Имеретии, Гурии и Мингрелии. Поводом к восстанию в Имеретии (в 1819—20 г.) послужила попытка правительства опустошить церковное имущество. Но это было только поводом, а не причиной.

Одной из действительных причин было то обстоятельство, что утверждение России в Западной Грузии являлось большой угрозой для Турции, тем более, что Западная Грузия в то время находилась в сфере ее влияния. М. Полиевктов достаточно правильно объясняет подкладку этих восстаний в своей монографии¹, в которой он пишет: «Во всей истории восстания 1819—20 г.г. отчетливо выступают как бы три борющихся элемента: 1) местное население, для которого попытка церковных преобразований была посягательством на исторически сложившийся общественный уклад; 2) русское правительство, для которого

¹ «Исторический Вестник», 1924 г., кн. II, статья Полиевктова—«Архивное дело о восстании в Имеретии, Гурии и Мингрелии в 1819-20 г.г. В этой работе описаны новые материалы о восстании в Западной Грузии».

эти реформы представляли дальнейшее развитие тех мероприятий, которые должны были ускорить объединение всей Грузии с империей, что вытекало из тех общих задач империалистической политики, какие в это время ставило себе русское правительство в Закавказье, и 3) наконец, третья сила—Турция, которая была напугана в то время восточной политикой России, в особенности в Закавказьи, и которая еще не забыла Имеретии и, вообще, лежащих на восточном побережье Черного моря областей Грузии».

Восстание в Имеретии приняло достаточно широкие размеры; его следует считать массовым движением, направленным, главным образом, против русской власти. Нужно отметить, что как в кахетинском восстании 1811—1812 г.г., так и в восстаниях в Имеретии 1819—1820 г.г. **классовый момент**, т.е. борьба крестьян против своих непосредственных угнетателей—помещиков непосредственно не обнаруживается. Чем это объяснить? Как известно, в первое время после покорения Грузии высшие сословия, как дворянское, так и духовное, были недовольны новыми порядками, полагая, что от этого ухудшится их положение. Боясь этого, эти сословия желали восстановления прежних грузинских царств и княжеств и удаления русской власти отсюда. Но они хорошо понимали, что без активной помощи крестьянства в этом деле добиться желательных результатов они не были в силах.

В виду этого, высшие сословия стали возбуждать крестьянское население против новой власти, агитируя среди крестьян, что все несчастья происходят от новых порядков, оттого, что упразднены самостоятельные царства, что поэтому нужно добиться их восстановления. Правда, крестьян разоряли, обижали и оскорбляли, прежде всего, эти же высшие сословия, но, благодаря тому, что русские власти уже успели за короткое время наделать очень много безобразий, и так как все это было свежо и резко бросалось в глаза, то, понятно, крестьян не трудно было втянуть в борьбу против русской власти. В результате получалось, что против представителей русского самодержавия совместно боролись как дворянство, так и крестьянство. Но, как было выше сказано, грузинское дворянство скоро убедилось в том, что его интересы тре-

буют поддержки царского правительства, и оно решительно перешло на сторону царской власти.

Необходимо привести тут еще следующие данные:

В 1811 году русское правительство упразднило автокефалию (самостоятельность) грузинской церкви. Смысл этой «реформы» заключался в том, что после упразднения политической независимости Карталино-Кахетинского царства и подчинения Грузии, как губернии, Российской Империи, грузинская церковь не могла оставаться самостоятельной, как это было раньше, и логически она должна была быть подчинена всероссийскому синоду. Внешним признаком этой церковной «реформы» являлось изгнание грузинского языка из церкви. Так это и случилось: второй экзарх Грузии Феофилакт (первый, назначенный из русских), поставленный российским синодом в 1817 г., упразднил употребление грузинского языка в тифлисском синодальном соборе. То же самое было сделано потом и в Имеретии. Но здесь кутаисский и гелатский митрополиты воспротивились этому, за что они были схвачены и избиты публично, после чего их отправили в Россию. Все это возмутило народ, и этим обстоятельством воспользовались помещики и духовенство, чтобы толкнуть крестьян на восстание против правительства с целью истребления русских и избрания собственного царя.

Таким образом, перед чужестранными угнетателями крестьянская масса стала на дыбы и заступилась за своих собственных угнетателей и классовых врагов. При подобных обстоятельствах легко было толкнуть тогда имеретинских крестьян на восстание против русских чиновников и насильников и одновременно настроить их в защиту угнетателей и насильников из грузин. Русское правительство, с своей стороны, не могло не видеть, что подстрекателями и зачинщиками восстания в данном случае были именно представители высшего дворянства и духовенства. Это видно, напр., из одного официального документа (предписание ген. Вельяминова ген.-м. Сысоеву от 2/VIII—1819 г.), в котором, между прочим, сказано: «Не на обывателей, т.е. крестьян, разным сословиям принадлежащих, обращайтесь внимание, но более на князей и духовенство, кои суть

истинные орудия всех неурядиц и возникшего мятежа, ибо народ повсюду есть только слепая жертва»¹.

Но, несмотря на такие признания царских властей, наказание несли, главным образом, крестьяне, которые вообще всегда расплачивались за все деяния привилегированных сословий.

Среди народных восстаний в Грузии на протяжении 19-го века особое место занимает **гурийское восстание 1841 года**. Это восстание дало, между прочим, одному из более сильных беллетристов Грузии И. Ниношвили (Ингорокова), впоследствии одному из основоположников марксизма в Грузии, тему для одного из лучших его романов «Джанки Гуриаши» («Восстание в Гурии»). Само собой понятно, что на рассказе Ниношвили, как на художественном произведении, целиком базироваться нельзя, но нужно признать, что в это произведение внесено очень много исторических моментов. О гурийском восстании имеется довольно много исторических документов, подтверждающих в основном ту установку, которую дал в своем романе И. Ниношвили. Имеется, между прочим, статья В. Чудинова «Восстание в Гурии в 1841 году», составленная на основании официальных документов².

Гурийское восстание 1841 года замечательно, главным образом, тем, что оно имеет достаточно хорошо выявившийся **социальный характер**. Оно было направлено не столько против русского правительства, сколько против помещиков. Борьба шла, главным образом, между крестьянами и дворянством. Поводом послужило введение нового денежного налога в 25 коп., но это был только повод, давший взрыв негодования, накопленному в народе, как против помещиков-дворян, так и против русского правительства. Восстание приняло очень широкий характер. Почти все гурийское крестьянство было охвачено этим движением. Восстание угрожало не только Озургетскому уездному начальству, но даже всей Закавказской власти. Оно отчасти перекинулось в Имеретию и длилось несколько меся-

¹ См. Акты Кавказской археографической комиссии, т. VI, ч. 1.

² См. «Кавказский сборник» т. XIV. В последнее время вышла ценная работа тов. Г. Хачапуридзе — «Гурийское восстание в 1841 г.», изд. «Закнига», составленная на основании архивных материалов.

цев. Восставшие нанесли правительственным войскам несколько серьезных поражений. Восстание это в процессе развития движения приняло чисто крестьянский характер и, как увидим ниже, ставило себе целью **уничтожение крепостного права**.

Весть о гурийском восстании быстро дошла до Петербурга, и оттуда очень интересовались узнать — чем именно оно было вызвано. Вначале уверяли, что виновницей восстания была кн. Елизавета Гуриели, стремившаяся освободиться из-под русской опеки и поставить владетелем своего сына. Гораздо правильнее то предположение, что поводом к неповиновению народа послужило взимание податей и ложные слухи, распущенные о предстоящем описании имущества с целью увеличения податей¹. В другом же официальном донесении к князю Чернышеву от 9 июня 1841 года ген. Брайко сказано: «Настоящая цель мятежников еще неизвестна. Требования их беспрестанно изменяются: то они просят только освобождения от платежа денег за земские повинности, то выставляют причиной своего возмущения непомерные будто бы поборы духовенства при исполнении духовных треб; притеснения владельцев (т. е. помещиков — Ф. М.), отягощенные казенными работами, производившимися в прошедшем году, безвинные аресты начальством некоторых лиц и т. д.»².

Из приведенных выше документов видно, что поводом к восстанию гурийских крестьян в 1841 году послужили, с одной стороны, злоупотребления русских чиновников, а с другой, — замена натуральных повинностей новым денежным налогом. Но причины восстания были более глубоки — они носили социальный характер и упирались в существование крепостного права. Косвенно на это есть указание и в приведенных выше документах. «Непомерные поборы духовенства... и притеснения помещиков» выставлялись и властями, как причины возмущения крестьян. Более ясные и категорические указания на причины и цели гурийского восстания мы находим в названном выше историческом романе Ниношвили («Джанки Гуриаши»).

¹ Это мнение приведено из одного официального издания под заглавием: «Царствование императора Николая I», стр. 324.

² См. Акты археографической комиссии, т. IX, стр. 161.

Дело в том, что автор писал это свое произведение приблизительно во второй половине 80-ых годов прошлого столетия, когда еще находились в живых непосредственные участники восстания. Из биографии Ниношвили известно, что он много работал над этим романом, и, как настоящий художник, сначала он хотел уяснить себе цели и стремления крестьян, а потом отобразить все это в художественном произведении. При этом нужно сказать, что изображение хода восстания, его перипетии и конец в романе Ниношвили отнюдь не противоречат имеющимся историческим документам об этом восстании, наоборот, роман Ниношвили дополняет и уточняет архивные документы.

Вот как рисуется начало восстания по архивным материалам.

В сел. Акети 22-го мая, при сборе податей и земских повинностей, восемь крестьян напали на сборщика и силою отняли собранные им с поселян деньги. Через день толпа выросла уже до 50-ти человек и напала на дом участкового заседателя князя Баратова. Спустя несколько дней толпа усилилась до 300 вооруженных лиц. Уездный начальник Яценко, прибывший на место происшествия, потребовал присылки роты линейной пехоты и, под охраной штыков, старался объяснить населению сущность постановления 1841 года о замене натуральных повинностей денежными взносами с крестьян при взимании налогов казенных, помещичьих и церковных. Крестьяне обязались вносить подати, частью даже внесли их, и уездный начальник, найдя, что порядок им водворен, возвратил роту в Озургеты 31-го мая. Но скоро обнаружили признаки явного мятежа.

4-го июня мятежники приблизились к м. Озургеты, где была штаб-квартира 1 линейного батальона, сожгли карантин, завалили дороги, идущие к укреплению пристани св. Николая, и заняли Гурианта и другие деревни.

Назначенный для усмирения ахалцихский военный начальник — полковник князь Аргутинский-Долгорукий, с наскоком собранными частями линейных батальонов Мингрельского, Егерского и Грузинского гренадерского полков, по прибытии в Озургеты 13-го июня, нашел край настолько успокоившимся, что не признал никакой необходимости в присутствии здесь большого числа войск. По прибытии из Дагестана войскового начальника полковника Брусилова, он

передал ему начальство над войсками, а сам возвратился к месту своей службы в г. Ахалцих. Три роты Грузинского гренадерского полка с командиром батальона подполковником Веселицким были возвращены в Гори.

Казалось, все пришло в прежний порядок. Но последствия показали, что это было не так.

В конце июля жители селения Гурианта впервые подняли знамя восстания, а за ними последовали лихаурцы и жители других деревень. Некоторые из дворян стали во главе народа. 8-го августа повстанцы в числе 500 человек собрались у церкви сел. Гогорети по дороге из укрепления св. Николая к м. Озургеты. Первое столкновение произошло у сел. Гогорети 9-го августа. Полковник Брусиллов с отрядом в 200 человек пехоты при двух орудиях должен был отступить в м. Озургеты: крестьяне преследовали его на расстоянии двадцати верст.

Мятежники овладели укреплением св. Николая, а вслед за сим заняли укрепление в с. Гурианта. Полковнику Брусиллову пришлось думать о защите Озургеты, ибо город этот очутился в тесной блокаде.

Призванные с разных сторон милиционеры из дворян-помещиков не решались действовать без поддержки регулярной пехоты. Исключением был владетель Мингрелии князь Дадлиани, который, получив уведомление о печальном положении Озургеты, собрал наскоро 1000 мингрельцев и, выступив с ними из Поти 18-го августа, занял после двухдневной перестрелки сильно укрепленное «мятежниками» селение Гогорети. После этого, в продолжение трех дней и ночей он отбивался от повстанцев, которые настойчиво стремились возвратить себе утерянный важный для себя приморский пункт. Не надеясь пробиться без помощи пехоты к Озургеты и, не имея достаточного продовольствия, при значительном числе больных, князь Дадлиани 23-го августа отошел обратно к Поти.

Только 14-го августа, когда «мятеж» был в полном разгаре, ген.-м. Коцебу мог распорядиться высылкой крупных войсковых частей — свыше 2000 штыков, при двух легких и четырех горных орудиях. Кроме того, в отряд Аргутинского назначались разные отряды милиции — пешие и конные.

Между тем, в конце августа положение дел в Гурии

все более осложнялось, в частности-же положение полковника Брусилова и Озургеты ухудшалось со дня-на-день.

Силы мятежников вокруг Озургеты увеличивались с каждым днем; 30-го августа они заняли слободку, казармы и строения подле них; защитникам Озургеты нельзя было показаться на площади, не быв осыпанными градом пуль. Недостаток снарядов, особенно картечи, заставил Брусилова беречь каждый выстрел.

1-го сентября Брусиллов дал знать князю Аргутинскому, что он не надеется отразить бунтовщиков, если бы они еще раз решились напасть на Озургеты. Получив эти известия, Аргутинский, несмотря на слабость своего отряда (9 рот и 10 орудий) и ненадежное прикрытие сообщения с Цхенис-Цкали, но зная о скором прибытии к нему подкреплений, 2-го сентября рано утром двинулся к Чохатаурскому посту; поздно вечером того же числа присоединился к нему майор князь Гурамов с двумя ротами эриванцев. Не теряя времени, Аргутинский двинулся к Нагомарскому посту и заставил большую часть мятежников, блокировавших Озургеты, присоединиться к защищавшим хорошо укрепленную позицию в трех верстах по ту сторону Нагомар. Большой проливной дождь воспрепятствовал Аргутинскому в ту же ночь привести в исполнение план обхода неприятельской позиции, овладение которою открытой силой стоило бы больших жертв.

Князь Аргутинский с двумя ротами 5-го сентября неожиданно появился под Озургеты. Повстанцы, застигнутые врасплох, после кратковременного боя, быстро отступили, и Озургеты были освобождены.

После этого только лихаурцы, гурианцы и жители некоторых деревень, более всех виновные в возмущении, заколебались. Присутствие войск в Гурии князь Аргутинский-Долгорукий на этот раз признал необходимым для поимки главнейших зачинщиков и подстрекателей восстания.

Только к началу октября 1841 года в Гурии водворено было спокойствие. Так рисуется гурийское крестьянское восстание 1841 года на основании официальных данных. Кроме этого, из официальных-же документов мы узнаем следующее: восстание поддерживал Хасан-бек-Тавдгиридзе, принадлежавший к гурийской княжеской фамилии, но к тому времени принявший мусульманство и поселившийся в

Кобулетах. Сподвижником Хасан-бека был английский вице-консул Гаррачино, доставлявший восставшим гурийским крестьянам порох, что было очень важно. Отсюда ясно, что восстание это было довольно серьезно организовано, нити его тянулись даже за границу. Наконец, весьма интересно, что во главе восставших крестьян, в качестве военных руководителей, были двое гурийских князей—Амбако Шаликашвили и Давид Гугунава. Эти два лица из дворянского сословия остались верными до конца восставшим крестьянам. Все остальное дворянство, которое в начале восстания, когда еще не были ясны цели восставших крестьян, готово было сочувственно отнестись к восстанию, позднее не только отошло от него, но, вместе с правительством, стало принимать самое активное участие в подавлении гурийского крестьянского восстания. Таким образом, единодушное выступление против порядков, введенных русским правительством, вскоре раскололось, и дворянство, как и следовало ожидать, перешло в лагерь врагов крестьянского движения. Этот момент хорошо изображен в романе Ниношвили. Там в одном месте мы читаем: «Хотя изгнание русских с самого начала выдвинуло дворянство, которое заставило крестьян заговорить против русских, но как только крестьяне стремление освободиться из-под власти русских дополнили еще стремлением освободиться и от рабства (т.-е. крепостного права), тогда дворянство поняло свою роковую ошибку и, чтобы исправить ее, к кому-же оно должно было пристать, как не к русским?»

Далее Ниношвили описывает одно из первых собраний, на котором обсуждался вопрос об организации восстания и о том, чего добиваться крестьянам. И здесь выяснилось, что крестьяне были проникнуты желанием не столько изгнать русских, сколько освободиться от гнета дворян-помещиков. На собрании сперва выступил пройдоха-дворянин, по имени Иване, который, в льстивых выражениях старался расположить к себе крестьян и советовал им не давать себя увлечь крестьянским вожакам и не слушаться незаконнорожденного Георгия¹, безбожника и изменника Хри-

¹ Георгий— один из главных героев романа Ниношвили. Он— с высшим образованием, «незаконный» сын одного князя, посланный в Петербург для получения высшего образования. Автор романа рисует его не только демократом, но и социалистом.

сту. Затем он называет Амбако Шаликашвили изменником народа, т. к. он не явился на собрание; этим он добивался того, чтобы крестьяне вместо Шаликашвили его избрали руководителем восстания. Своей льстивой, фарисейской речью ему удается склонить на свою сторону если не все собрание, то, по крайней мере, значительную его часть. Но вот, вслед за ним, выступает настоящий крестьянский вождь, по имени Бесня, который в своей мужицкой, но зато очень выразительной речи по пунктам разоблачает дворянина Ивана. «Георгий изменил,—изволит говорить Иван,—это потому, что Георгий защищает нас, чтобы князья и дворяне не пили нашей крови и не ели нашей плоти. Что же касается Амбако Шаликашвили, то его знает вся Гурия, что он не способен на измену, но сегодня он не мог прийти по болезни, которая приковала его к постели»... Далее Бесня добавил: «До сих пор нас обманывали наши господа: они нам говорили, что, мол, мы вас, крестьян, защищаем от врагов; теперь, когда они увидели врагов, они покинули нас. Разве это называется защитой? Разве не они толкнули нас на это дело? А теперь они нас покинули. Разве после этого они осмелятся еще выставить себя нашими защитниками? Нет, мы уже знаем, кто они такие. Пусть довольствуются тем, что до сих пор обманывали нас и пили нашу кровь. Сегодня кончилось, уничтожилось крепостное право».

После этой речи дворянин Иване снова попытался склонить восставших крестьян на свою сторону. «Братья,—обратился он к крестьянам,—Бесня обманут безбожником и незаконнорожденным Георгием. Пусть никто из вас и не думает идти против дворян, а то погибнете. Отрицание крепостного права вызовет большое кровопролитие. Эту мысль потому распространил безбожник Георгий, что он хочет вызвать между нами раздор, натравить нас друг на друга, и тем доставить победу нашим врагам. Не поддавайтесь обману, не должно быть даже мысли об отрицании крепостного права. Мы должны пойти против врага, но не против брата». На эти патетические и обманчивые слова народ ответил: «Не выйдет, Иване, сегодня кончилось ваше дворянское господство»...

Так началось восстание, которое в ходе событий все более и более принимало социальный характер. Образовались два лагеря: с одной стороны — правительство вкупе с

дворянами, а с другой — крестьянство. В процессе развития восстания, крестьянство Гурии почти поголовно покинуло дворянские усадьбы, перестало выполнять всякие повинности в пользу дворян-помещиков, власть которых, благодаря восстанию, была окончательно парализована.

Одно время почти вся Гурия, за исключением уездного центра—г. Озургеты, была в руках восставших крестьян. Крестьяне со дня на день ожидали, что они займут и Озургеты. И вот возник вопрос: что нужно сделать после окончательной победы над врагами? Какое управление установить в стране? С этой целью восставшие устроили совещание, на которое пригласили для совета Георгия. Этот Георгий вначале был против восстания, потому что он тогда не мог верить в победу крестьян. Но раз он не смог удержать крестьян от выступления, ему оставалось только внушить крестьянам мысль борьбу против крепостного права. Теперь, когда восстание, казалось, должно было увенчаться успехом,—на вопрос: какое управление должно быть установлено в Гурии, Георгий рисует крестьянам преимущественно демократическо-республиканского строя. Разумеется, это было чистой утопией, и сами вожаки гурийского движения 1841 года скоро должны были убедиться в полнейшей несбыточности своих смелых замыслов. Но, тем не менее, даже одна мысль об уничтожении крепостнических отношений и установлении свободного демократического строя в одном из маленьких уголков обширнейшей империи Романовых, да еще в самую мрачную эпоху царствования Николая I, является фактом громадной важности, заслуживающим самого серьезного внимания. В виду этого, я и остановился на крестьянском восстании в Гурии в 1841 г. здесь более подробно. Как и все другие подобные восстания в Гурии, и это восстание было подавлено русским правительством при активном участии дворянского сословия. Но традиции гурийского восстания не могли умереть в сознании гурийского крестьянства. Эти традиции живо давали о себе знать в дальнейшем и, в особенности, в революционном движении начала XX столетия (в 1902—1906 годы), а также в 1919—20 г., во время крестьянских восстаний в Гурии против меньшевиков, изменивших революции. Но маленькая Гурия не могла тогда тягаться с огромным государством. Пожар был потушен с громадными жертвами.

После этого проходит 16 лет, и в 1857 году восстает мингрельское крестьянство.

Известно, что мингрельские помещики применяли особенно грубые и жестокие формы эксплуатации своих крестьян. Уже с давних пор занимались они массовой продажей своих крепостных в Турцию. Это подтверждает, между прочим, и знаменитый путешественник Шарден, который посетил этот край в XVII веке. В 1803 г. владетельный князь Мингрелии Григорий Дадвани стал подвассальным русскому царю, с сохранением за собой прав автономии в гражданских делах. Благодаря этому, Мингрелия сравнительно долго сохранила автономное управление, тогда как Имеретия и Гурия давно уже утратили всякую самостоятельность.

Но эта автономия, дававшая простор феодалам, в то же время явилась источником невероятной эксплуатации для мингрельских крестьян. Муки и бедствия достигли такого предела, что в конце концов вызвали их на восстание против владетельного князя и помещиков. Крестьяне совершенно отказались работать на своих поработителей и, в первую очередь, на самого владетельного князя. Восставшие добивались лишь того минимума, каким обладали крестьяне по ту сторону реки Цхенис-Цхали¹, т.-е. в Тифлисской и Кутаисской губ.

Чрезвычайно интересна в этом отношении речь одного из вождей восставших — кузнеца Микава, с которою он обратился к ген. Колюбакину. Привожу некоторые выдержки из этой речи: «Мы ниоткуда не видим помощи. Помещики отнимают у нас сыновей и дочерей и продают их в Турцию... Все плоды наших трудов достаются им. По их убеждению, крестьянин ничего не должен иметь, и что мы хуже всякого животного... По ту сторону Цхенис-Цхали этого нет. Мы знаем, что там людей не считают ниже животных. Для них есть и суд и правда... Жаловаться? но кому-же? Родина наша нам опостылела, и мы решили оставить ее навсегда... Мы поклялись друг другу больше никогда туда не возвращаться. Чего стоит такая родина, где нет тебе убежища и где на тебя, как на зверя, охотятся».

Таким образом, крайняя нужда, оскорбления и гнет до-

¹ Эта река отделяет Мингрелию от Имеретии.

вели мингрельских крестьян к концу пятидесятих годов XIX столетия до полного отчаяния. До 10.000 семейств собралось у реки Цхенис-Цхали с намерением переправиться на другой берег и искать защиты у русских властей против собственных господ. В представлении крестьян существовавшие на другом берегу условия казались райскими. Конечно, мингрельские крестьяне ошибались. Мы уже видели, насколько незавидным было положение крестьян, особенно же крепостных, в остальных частях Грузии, где народом управляли непосредственно русские чиновники. И здесь их продавали, как неодушевленный предмет, как скот; их меляли на собак, отдавали в приданое, насиловали женщин, впрягали в ярмо, как быков, и пр. и пр.

Несмотря на все эти ужасы, видимо, положение крестьян в Мингрелии было еще хуже. Грузинская поговорка говорит: «Лучше лучшего всегда отыщется». В этой поговорке слово «лучшее» смело можно заменить для Мингрелии того времени словом «худшее» и сказать так: хуже худшего всегда отыщется.

Восстание мингрельских крестьян закончилось бескровно. Колюбакин с помощью казаков устранил повстанцев. Крестьяне внешне «успокоились» и приступили к обычным работам. В их положение внесли некоторые несущественные изменения, но не нужно забывать, что к тому времени в правительственных кругах уже подумывали о необходимости отмены крепостного права.

После мингрельского восстания прошло несколько лет, но положение крестьян в Грузии осталось прежним, или же местами оно еще более ухудшилось.

Волнения среди крестьян продолжались. Это объясняется, прежде всего, тем, что слухи об отмене крепостного права, которые носились тогда в воздухе, очевидно, тем или иным путем доходили и до крестьян, и это обстоятельство, понятно, не могло не волновать их. Затем, помещики, будучи осведомлены о намерениях правительства об отмене крепостного права, вместо того, чтобы облегчить тяжелое положение крепостных крестьян, наоборот, теперь еще больше старались выжать из них последние соки: все равно, мол, скоро помещики лишатся их дарового труда. Благодаря всему этому возмущение крестьян против крепостников-помещиков не только не ослабевало, но возрастало.

еще больше. Но правительство теперь было наготове и быстрее реагировало на движения крестьян, чтобы не дать им разрастись и задушить их в самом начале. Тем не менее, крестьянское движение за этот период (1858—1863 г.г.) не прекращалось. Известно, прежде всего, восстание крестьян в 1858 г. в Имеретии, в Багдадском и Амаглебском районах, направленное непосредственно против помещиков. Затем, в 1861 г. гурийские крестьяне снова делают попытку всеобщего восстания в Гурии. Но эта попытка не удалась, восстала только часть гурийского крестьянства против князей Гуриели и Накашидзе. И, наконец, в Кахетии в течение 1857—1863 г.г. почти непрерывно происходили крестьянские восстания. А между тем русское правительство медлило с проведением в Грузии крестьянской реформы 1861 года. Правительство хорошо понимало, что манифестом 19 февраля оно обманывало народ. Известны, например, следующие слова импер. Александра II: «Когда крестьянин увидит ту волю, которую ему дают, то взбунтуется»; потому-то он и требовал назначения повсюду генерал-губернаторов. Как ни медлило правительство с обнародованием манифеста 19 февраля 1861 г., оставить крепостное право в прежнем виде уже нельзя было. Мы уже знаем, что в Грузии условия «крестьянской реформы» были, по сравнению с реформой 1861 г. в России, еще более тяжелы для крестьян. В виду этого правительство имело все основания «опасаться», что объявление «воли» вызовет возмущение крестьян, которые непременно взбунтуются. Поэтому оно заранее приняло все подготовительные меры военно-полицейского характера для предотвращения взрыва новых крестьянских бунтов и восстаний,—на этот раз уже против столь торжественно объявляемой «воли». Крестьяне, разумеется, были крайне разочарованы той «волей», которую им преподнесло правительство. Их возмущению не было конца. Они оказались обманутыми. Но что-же они могли сделать? Правительство уже заранее приняло все меры к тому, чтобы парализовать всякое сопротивление с их стороны. Почти во всех крупных районах были расставлены воинские части.

При таких условиях о каком-либо сопротивлении крестьян мероприятиям правительства по проведению в жизнь «реформы» 1861 г., а тем более об организации восстания,

не могло быть речи. Правительство достигло своей цели: когда в ноябре 1864 г. крестьянам Тифлисской губ. объявили манифест 1861 г., то «порядок» почти нигде нарушен не был. То же повторилось в следующем 1865 г. и в Имеретии; но зато «порядок» этот был нарушен и, нужно заметить, очень основательно, при первой-же попытке проведения в жизнь крестьянской реформы 1861 г. в маленькой Абхазии в 1866 г.

Русские заняли Абхазию в 1810 г.,—до этого времени она находилась во владении Турции. В Абхазии издавна существовали феодально-крепостнические отношения. Русские власти еще больше усилили власть абхазских князей и всячески помогали им грабить и угнетать закрепощенных крестьян, в результате чего абхазский народ, по свидетельству одного русского автора, обследовавшего Абхазию в 60 годах прошлого столетия, дошел до крайней нищеты. В правовом отношении абхазские крестьяне доведены были до рабского состояния, вплоть до того, что ими открыто торговали как на внутреннем, так и на внешних (гл. обр. Турция) рынках. В притеснении абхазских крестьян русские чиновники и абхазские князья не отставали друг от друга. Помимо всего, лучшие земельные участки в Абхазии власти стали раздавать русским и другим переселенцам из России. Одновременно с этим абхазских крестьян стали насильственно обращать в христианство. Создалось такое положение, что абхазские крестьяне вынуждены были принять христианскую религию; в противном случае им, просто, не дали бы житья в Абхазии. Абхазские крестьяне, сколько могли, боролись против этого насильственного охристианивания, при чем многие из них «добровольно» покидали родную страну и переселялись в Турцию, другие принимали христианскую религию лишь формально, чтобы этим самым приобрести право остаться в своей стране. Из всех архивных материалов, которые в последнее время обнаружены,¹ ясно видно, что у русского правительства было решение почти совершенно «освободить» Абхазию от коренного населения, которое оно считало «диким» и «тупым», и заселить ее русскими и другими выходцами из России, чтобы

¹ См. цитированную выше книгу Г. Хачапуридзе — «Крестьянские движения в Грузии в XIX столетии».

сделать ее вполне надежной для себя. Абхазское крестьянство хорошо видело истинные намерения русских властей, во всяком случае, оно инстинктивно чувствовало, какая участь его ждет в недалеком будущем. Как бы тяжелы и обременительны ни были налоги и повинности, которыми абхазские крестьяне были обложены в пользу казны и помещиков, но они сносили все это более или менее терпеливо. Но абхазский народ не мог мириться с тем безграничным произволом, который проявили по отношению к нему русские чиновники, третировавшие абхазцев и дававшие им чувствовать, что абхазцы низшая раса, недостойная, чтобы с нею обращались по-человечески. Все это, разумеется, не могло не раздражать абхазцев, не задевать их национального чувства. Абхазское население насторожилось. Русское правительство и все его агенты стали ему ненавистными. Иначе и не могло быть. Русские власти всеми своими действиями настроили и вооружили против почти поголовно все абхазское население, за исключением ничтожной части его в лице абхазских князей-помещиков. По архивным документам можно видеть, что уже в начале 60-ых годов XIX столетия чаша терпения абхазцев, в результате постоянных обид, унижений и преследований, была переполнена, и достаточно было даже малейшего повода, чтобы недовольство абхазского крестьянства русским правительством вылилось во всеобщее восстание. И это случилось в 1866 г., когда русское правительство решило, наконец, «осчастливить» и абхазских крестьян объявлением им «воли». Но эта «воля» для абхазских крестьян оказалась хуже неволи. Положение, выработанное для абхазских крестьян, вышедших из крепостной зависимости, создавало для них еще худшие условия по сравнению с тем, что было даже при существовании крепостного права.

Хотя, по мнению русских чиновников, абхазцы были «дики», «невежественны и тупы», но, несмотря на это, они сразу сообразили, что реформа сулит им не освобождение от крепостной зависимости от помещиков, а, наоборот, еще большее закабаление их этими самыми помещиками. Землю, которую абхазский крестьянин обрабатывал своим трудом и этим поддерживал нищенски свое существование, реформа объявляла частной собственностью помещика, за которую крестьянин обязывался нести очень тяжелые повинности

как в пользу помещика, так и в пользу казны. Не удивительно, что первая же попытка проведения в жизнь этой реформы встретила со стороны крестьян решительный отпор, и на этой почве завязалась жесточайшая борьба между абхазскими крестьянами, с одной стороны, и правительственными войсками и абхазскими помещиками—с другой; борьба приняла характер настоящей гражданской войны. Вначале перевес был на стороне повстанцев. Одно время почти вся Абхазия находилась в руках восставших крестьян. Правительственные войска терпели поражение за поражением. Скоро, однако, против повстанцев двинуты были свежие силы как со стороны моря, так и со стороны суши. Абхазия была окружена почти со всех сторон. Повстанцы оказывали упорнейшее сопротивление, но это была неравная борьба. Маленький абхазский народ не мог выдержать долго натиск многочисленных царских войск, и ему пришлось сдать правительству, которое учинило над повстанцами зверскую расправу. Все предъявленные правительством требования повстанцы выполнили, за исключением одного условия, а именно, выдачи главарей и зачинщиков восстания. Крестьяне отказались выполнить это требование. Теперь правительство мстило. Многие участники восстания были казнены, другие отправлены на каторгу в Сибирь. Значительная часть повстанцев была вынуждена покинуть свою страну и переселиться в Турцию. Оставшееся население стали оттеснять в горы. Освободившиеся земли предоставлялись русским колонистам. Одновременно, в награду за оказанные услуги при подавлении восстания, русские генералы и полковники, а также абхазские князья (Шервашидзе, Маргания и др.) получили по несколько тысяч гектаров лучших земель.

Так отомстило русское самодержавное правительство абхазским крестьянам за их революционное выступление. Даже теперь, по прошествии 66 лет после этого героического восстания, нельзя без волнения читать эти архивные документы, составленные односторонне и тенденциозно царскими чиновниками, бывшими непосредственно виновниками этого восстания. В высшей степени знаменательно, между прочим, то, что абхазские крестьяне шли в бой против своих врагов, держа в руках **красный значок** (как это отмечают официальные документы). К великому сожалению,

нам пока ничего больше неизвестно об этом «красном значке». Было-ли это случайно? А если нет, то спрашивается, каким же образом красный значок—эта эмблема пролетарской революции—очутился в руках абхазских повстанцев в 1866 г.? Этот вопрос пока остается без ответа, ибо история абхазского восстания еще совершенно не изучена.

После подавления восстания 1866 года по всей Абхазии воцарился режим неопишемого террора: абхазских крестьян не просто преследовали, — их стали травить, как зверей. Но несмотря на это, абхазские крестьяне сломленными себя не считали. Они думали возобновить борьбу против своих угнетателей и ожидали удобного момента. И такой момент настал, когда в 1877 г. вспыхнула русско-турецкая война. Абхазское крестьянство сразу перешло на сторону турок и приняло активное участие в действиях против русских войск, надеясь, что победа турок принесет Абхазии освобождение от ига русского самодержавия. Но, как известно, надежды абхазских крестьян не оправдались, война 1877—78 г.г. кончилась поражением турок, и абхазские крестьяне снова очутились у разбитого корыта. Абхазия была наказана за «измену» России: снова пошли экзекуции, и посыпались самые жестокие наказания на головы абхазских крестьян. Сохранилась записка царского полк. Аракина, посетившего Абхазию после окончания русско-турецкой войны и после карательных экспедиций. Аракин рисует жуткую картину полного разрушения и опустения Абхазии. Дома разрушены или сожжены, продовольственные запасы уничтожены, поля растоптаны. Ужасный голод дополнял эту ужасающую картину. Некоторые районы (между Кодором и Гудаутом) сплошь опустели. Абхазцы выселились в Турцию. По 2—3 двора в деревнях, всего до 100 граждан и торговцев в разрушенном Сухуме, до 69 греческих дворов в Цебельде—и так по всей Абхазии. Уже второй или третий раз абхазские крестьяне массами покидали свою страну. Оскорбления, издевательства и преследования были настолько велики, что они не в состоянии были их переносить.

Чтобы иметь хотя-бы некоторое представление о тех унижениях и притеснениях, которым подвергались тогда абхазские крестьяне, достаточно привести тут некоторые постановления правительства, применявшиеся к оставшемуся на месте населению Абхазии. Вот эти постановления:

1. «Все население возмущившихся местностей признать причастным к измене и виновным в мятеже и, вследствие этого, не производить особого расследования о степени причастности к мятежу каждой общины особо».

2. «Во избежание повторения событий 1866 и 1877 г.г. виновное абхазское население сгруппировать таким образом: а) чтобы оно представляло не сплошную массу, а было разбросано между поселенцами, имеющими быть признанными на свободные земли, и б) чтобы оно было отделено от морского берега линией колонистских поселений».

Помимо этого, была пересмотрена сословно-поземельная реформа 1870 года в смысле еще большего ухудшения положения крестьян: для населения, которое «изменило» России, во-первых, были наделы сокращены, во-вторых, выкупать крестьянам эти наделы уже не разрешалось.

Со времени этих двух восстаний (1866 и 1877-78 г.г.) абхазское крестьянство, пришибленное и раздавленное внешней силой, сохраняло внешнее спокойствие, но это отнюдь не означало того, что в нем угас революционный дух. В период февральской и в особенности Октябрьской революции 1917 г. абхазские крестьяне доказали свою верность и преданность делу пролетарской революции.

Остановимся на восстании в Вольной Сванетии в 1875-76 г.г. Это восстание также было непосредственным результатом социальной политики царизма. Вольная Сванетия¹, никогда не знавшая крепостного права, укрывшаяся среди гор, на южных склонах Главного Кавказского хребта, и хранившая еще традиции первобытного коммунизма, теперь уже должна была распространиться со всеми своими вольностями. Сванские князья и русские чиновники сошлись на том, чтобы в общих своих интересах сломить Вольную Сванетию. Непосредственным поводом к восстанию сванов послужило начало землеустроительных работ в В. Сванетии. Сваны решили, что за этим последует увеличение налогов,—в этом они несколько не ошибались,—и оказали землемерам сопротивление. Само собой разумеется, землемерные работы были только поводом, а не причиной вол-

¹ Вольная Сванетия была частью Верхней Сванетии, другую часть составляла Дадешкеллиановская Сванетия. Между ними была существенная разница, что Вольная Сванетия не знала крепостного права, князья Дадешкеллиани никак не могли покорить ее.

нения. Настоящая причина заключалась в том, что сваны не могли примириться с политикой русских властей, несшей насилие и гнет. Волнения в Вольной Сванетии имели очень глубокие корни и вызывались общими причинами колониальной политики России. История этой борьбы носила глубоко трагический характер; маленькая горсточка смелых и отважных сванов в течение нескольких месяцев героически боролась с регулярными войсками русского правительства; понятно, горькая участь крестьян В. Сванетии уже заранее была решена. Но победа над сванами очень дорого стоила правительству.

Несколько селений, в том числе сел. Халде, где вспыхнуло восстание, было уничтожено карательной экспедицией. Перед военно-полевым судом в качестве обвиняемых предстало 29 человек. Из них 4 человека были сосланы без срока на каторгу в Сибирь, 1 на каторжные работы сроком на 20 лет, 16 чел. на поселение в Сибирь, а 6 человек в одну из южных губерний. Так было покончено с В. Сванетией в 1876 г. Сванетские помещики и русские власти могли теперь праздновать свою победу над когда-то вольными и гордыми сванскими крестьянами.

Спустя два года после подавления сванетского восстания, именно в 1878 г., крестьянское движение приняло довольно острый характер в Кахетии, главным образом, в бывшем Сигнахском уезде. Непосредственным поводом для выступления сигнахских крестьян на этот раз послужил принудительный набор в милицию молодых людей, в возрасте от 19 до 30 лет, для посылки их на войну, как и связанные с набором обычные злоупотребления царских чиновников. Но, по сути дела, и это движение было вызвано непомерными поборами, тяжелыми налогами и повинностями крестьян, как в пользу казны, так и в пользу помещиков-землевладельцев. Крестьянам тяжело приходилось теперь еще и от сельских кулаков, ростовщиков и торговцев, которые пользовались крайней нуждой крестьян, чтобы сдирать с них последнюю шкуру. Это движение особенно характерно, между прочим, тем, что в нем самое деятельное участие приняли женщины-крестьянки, именно они являлись застрельщицами и вожаками выступлений. Движение стихийно разрослось и охватило широкие массы, при чем крестьяне ставили себе следующие цели: 1) не соглашаться

на новые повинности (наряд подвод для нужд войск и т. д.) и 2) не давать людей в милицию.

Открытое выступление крестьян началось в сел. Земо-Мачхаани, где крестьяне, получив отказ в выдаче им списка лиц, записанных в милицию, устроили собрание и жестоко избили старшину. Аналогичные выступления имели место и в других селах. Тогда уездный начальник (бар. Тизенгаузен) обратился за помощью к военной власти в лице ген. кн. Орбелиани, который в это время находился в гостях в сел. Бакурцихе у местного помещика—кн. Вачнадзе. Орбелиани немедленно отдал распоряжение войсковым частям об усмирении крестьян. Но до появления войск дом кн. Вачнадзе, в котором находился в то время ген. Орбелиани вместе с другими должностными лицами, был окружен несколькими тысячами сильно возбужденных крестьян, в числе которых были и женщины-крестьянки. Как ни старался ген. Орбелиани «успокоить» крестьян, ему это не удалось, и дело кончилось тем, что крестьяне ворвались в дом, и, разгромив его, выволокли оттуда самого Орбелиани и других должностных лиц и стали избивать их, чем попало. В это время наступила ночь, и крестьяне стали колебаться: они решили разойтись в надежде, что на другой день они вновь соберутся. Но эта надежда не оправдалась. Вмешательство военной силы заставило их отказаться от дальнейших выступлений. Крестьяне поняли, что вести борьбу с правительственными войсками они не могут. К тому же, крестьяне не были подготовлены для этой борьбы,—движение возникло совершенно стихийно; властям не трудно было быстро расправиться с этим движением.

По этому делу правительство назначило чрезвычайный военный суд, перед которым предстал 21 человек, из которых 11 человек (9 мужч. и 2 женщ.) были осуждены на каторгу, сроком до 15 лет каждый. Остальные отделались сравнительно более легкими наказаниями.

В последующие десятилетия XIX века (80-ые и 90-ые годы) борьба крестьян против помещиков и полицейской власти не прекращается. Но характерно то, что крестьянских восстаний в Грузии за эти годы мы уже не наблюдаем, хотя недовольство и озлобление крестьян против правительства против помещиков и против сельской буржуазии (кулаки, ростовщики, торговцы и т. д.) было не менее

сильно, чем прежде. Это обстоятельство указывало на то, что эпоха чисто крестьянских восстаний в Грузии уже миновала, и что отныне крестьянство, одно, изолированное от пролетариата, уже не могло вести борьбу ни против помещиков, ни тем более против их общего (крестьян и рабочих) угнетателя—царизма. Из крестьянских движений этого периода (1880—1890-ые годы) нужно упомянуть здесь, прежде всего, о волнениях в Гурии в 1881-82 годах. На этот раз движение крестьян Гурии носило своеобразный характер, так как озлобление их против самодержавного порядка находило выражение не в массовых выступлениях, а в действиях отдельных крестьян, выражавшихся в актах аграрного террора, в убийствах помещиков и полицейских чиновников, в ограблениях торговцев, церквей и т. д. Обо всем этом стали писать тогда и в газетах, при чем, все эти акты трактовались исключительно, как чисто уголовные преступления. Но тем не менее, по признанию и высшего кавказского начальства, почти весь Озургетский уезд пришел в состояние полной анархии, и для прекращения этого состояния нужны были чрезвычайные мероприятия военного характера. Из обнаруженных архивных материалов видно, что гурийское крестьянство в это время было близко ко всеобщему восстанию; но, благодаря чрезвычайным мерам (военное положение, экзекуции, высылки «неблагонадежных» лиц и т. д.), правительству удалось тогда временно предотвратить это восстание. Нужно сказать, что все то, что происходило в Гурии в 1881-82 годах, можно рассматривать, как преддверие событий, разыгравшихся там в период революции 1905 года.

В последнее десятилетие девятнадцатого столетия наблюдалось довольно сильное брожение на аграрной почве среди крестьян бывш. Горийского и Душетского уездов, при чем имели место бойкот помещиков, погромы и поджоги помещичьих имений, убийства самих помещиков и т. д. Все органы власти—суд и администрация—в борьбе с крестьянами были на стороне помещиков; когда было нужно, правительство пускало в ход и войска, чтобы привести крестьян в полную покорность помещикам. Особенно обострился за эти годы в Горийском уезде хизанский вопрос.¹

¹ Категория крестьян-арендаторов, не получивших земельных наделов во время крестьянской реформы 60-ых годов.

Большинство хизанов составляли осетинские крестьяне. Карталиинские помещики (Амилахвари, Везиришвили, Эристовы, Диасамидзе и др.) проявляли по отношению к крестьянам хизанам исключительную жестокость. Произвол помещиков в отношении их ничем, никакими правовыми нормами, ограчен не был. Помещики имели право назначать такую высокую арендную плату за пользование землей, которую хизаны не в состоянии были платить. За невыполнение хизанами таких «договоров» помещики насильственными мерами сгоняли с населенных земель арендаторов-хизанов десятками и сотнями, не разрешая им убрать даже те постройки, которые самими хизанами были созданы своим трудом и на свои средства. Естественно, на этой почве взаимоотношения между помещиками и хизанами еще более обострились. Чтобы предупредить дальнейшее обострение этих взаимоотношений, правительство должно было вмешаться в это дело, пытаясь как-нибудь смягчить антагонизм и проявления классовой борьбы между хизанами, с одной стороны, и помещиками—с другой. Разумеется, это делалось в интересах помещиков, отнюдь не в интересах крестьян. Тем не менее, помещики не хотели идти ни на какие уступки, и, в конце концов, они добились своего. Таким образом, хизанский вопрос, а также вопрос о временно-обязанных остался не разрешенным, ибо самодержавие, которое опиралось, прежде всего, на феодальное сословие, не могло его разрешить. Между тем положение крестьян все больше и больше обострялось и становилось невыносимым. Этим и объясняется тот факт, что, как мы видели выше, крестьянские движения в Грузии в XIX веке почти никогда не прекращались, как до реформы 60-ых годов, так и после этой реформы.

Вместе с тем, достоин внимания и тот факт, что главнейшими очагами крестьянского движения за описываемый период времени были и остались почти исключительно одни и те же районы: **Кахетия, Гурия, Абхазия, Карталиния вместе с Южной Осетией, Мингрелия.** И потому совершенно не случайно, что в период революции 1905 года как раз эти самые районы и оказались в первых рядах революционного движения среди крестьянства и явились застрельщиками этого движения.

Для нас теперь ясно, что все крестьянские движения в Грузии в XIX столетии заранее были обречены на неудачу. Но этого не могли видеть ни крестьянские массы, активно участвовавшие в этих восстаниях, ни их вожаки и руководители. Не останавливаясь здесь на причинах поражения крестьянских восстаний в Грузии в XIX столетии, все-же нельзя не указать тут на одно весьма важное обстоятельство, которое имело в этом отношении решающее значение. Я имею в виду тот факт, что деревня восставала и вела борьбу как против государственной власти, так и против своих непосредственных эксплуататоров и угнетателей, одна, изолированно, несвязанная с рабочим классом, не имея с его стороны никакой поддержки.

Собственно говоря, этой связи, а тем более поддержки и не могло быть, так как рабочий класс в Грузии, как и в Закавказьи вообще, возник лишь приблизительно в 60-ых годах XIX столетия, а оформился он, как класс, еще позже,—в 80-ых и 90-ых годах того-же столетия. Крестьяне же Грузии в течение целого столетия бились, как со своими непосредственными угнетателями—помещиками, так и с царским правительством; и они бились геройски, самоотверженно, нанося своим врагам весьма серьезные и чувствительные удары. Но мы знаем, что все эти крестьянские восстания, порой очень мощные, кончались полным поражением самих крестьян, со всеми вытекающими отсюда, ужасными для крестьян последствиями. В этой вековой борьбе крестьянство Грузии понесло бесчисленное количество жертв; активные и передовые крестьяне, участники восстаний, подвергались самым суровым наказаниям, вплоть до смертной казни.

Таким образом, за весь XIX век крестьянство Грузии прошло длительную и суровую школу жесточайшей борьбы, и хотя оно терпело поражение за поражением, но никогда не считало себя окончательно побежденным или сломленным, и при каждом подходящем случае оно готово было снова взяться за оружие против всех своих эксплуататоров и угнетателей. С годами менялись методы и средства борьбы, но характер самой борьбы в основном оставался один и тот-же.

Очень жаль, что до самого последнего времени нам или почти ничего не было известно об этой борьбе, если

же мы что-либо и знали, то это были лишь скудные обрывки. И только победоносная Октябрьская революция дала нам возможность изучить подлинную историю крестьянского движения в Грузии. Мы получили возможность извлечь из архива ценнейшие документы, относящиеся к крестьянскому вопросу в целом. Правда, все архивные и др. документы составлены представителями царского правительства, иначе говоря, защитниками помещиков и классовыми врагами крестьян, и потому они требуют тщательной расшифровки и критической разработки; только тогда на основании этих документов есть полная возможность восстановить подлинную историю крестьянского движения и дать ее полную картину. Эту задачу должны выполнить наши молодые историки-марксисты, вооруженные методом диалектического материализма, — т.е. методом марксизма-ленинизма.

III. ЗАГОВОР ПРОТИВ РУССКОЙ ВЛАСТИ 1832 г.

Говоря о крестьянском движении в Грузии в XIX столетии, нельзя обойти молчанием дворянско-монархического заговора 1832 г. Разумеется, заговор этот ничего общего с крестьянским движением не имел: он был организован исключительно высшим слоем грузинского дворянства. В нем нашли отражение тогдашние вождедения этого сословия, которое добивалось возвращения себе того положения, которое оно утратило со времени водворения в Грузии русского владычества. Как теперь выясняется, заговор 1832 года был очень тщательно подготовлен, план его был хорошо разработан; при этом, несмотря на то, что в него было вовлечено изрядное количество лиц, об его существовании органы правительства и не подозревали в течение нескольких лет, вплоть до того момента, когда заговор этот был выдан одним из самых близких и деятельнейших членов «тайного общества» (Ясе Палавандишвили). Если бы этого не случилось, есть все основания утверждать, что заговор несомненно удался бы, что имело бы весьма серьезные последствия для судеб не только Грузии, но и всего Закавказья. Как теперь выясняется¹, идея этого заговора возникла еще в 1826—1827 г.г. Впервые оформление заговора последовало в Петербурге в мае 1828 года, где тогда проживали грузинские царики Фарнаоз и Дмитрий. В 1830 году в Тифлис приехал первый и самый активный вдохновитель этого заговора, царевич Окропир, организовавший здесь с этой целью «тайное общество». Устав этого общества очень искусно был разработан мо-

¹ Большая часть сведений, приводимых в тексте относительно заговора 1832 г., взята мной из работы т. Гозалашвили, еще неопубликованной. Работа т. Гозалашвили представляет извлечение наиболее важных фактов из архивного материала по делу о заговоре 1832 г., сравнительно недавно доставленного из Ленинграда в Тифлис. Нужно пожелать, чтобы эта работа была напечатана как можно скорее.

нахом Филадельфосом Кикнадзе совместно с Соломоном Додашвили. На основе этого устава работа «общества» проходила в строго конспиративных рамках; так, например, члены «общества», при разговоре между собой, не подозревали, что каждый из них состоит членом одного и того же тайного общества. Всех членов «общества» по материалам следствия оказалось 145. По степени своей виновности они были разделены на десять категорий. К первой категории относились члены, которые оказались инициаторами заговора; к ним были причислены царики Окропир и Дмитрий. Вторую категорию составляли те, которые, как это зафиксировано в материалах следствия, были «зачинщиками» заговора; это были: Элизбар Эристов, Алекс. Вахт. Орбелиани, Ясе Палавандишвили (который и выдал заговор) и Сол. Додашвили. К третьей категории были отнесены те, которые в заговоре принимали активное участие и были согласны на участие в восстании; их было восемь человек: царица Тамара, Дим. Эристов, Луарс. Орбелиани, Вахт. Орбелиани, Георгий Эристов и т. д. Центральной фигурой организации был ген. Ал. Чавчавадзе; как говорили, без его участия ни один заговорщик не хотел примкнуть к восстанию. О существовании заговора через некоторое время узнали и сочувственно относились к нему даже некоторые русские чиновники, например, Мельников (тифл. полицеймейстер), Науменко (душетский исправник) и тифл. гражд. губернатор Завилевский (по происхождению поляк). Заговорщики имели связь с некоторыми иностранными правительствами и рассчитывали даже на их поддержку; например, с французским консульством в Детелье. Была связь и с турецким консулом. Есть указания о том, что в заговор был посвящен известный историк, француз-академик Мари-Броссе, переводчик летописи Грузии (Картлис-Цховреба) на французский язык. Принимались меры к тому, чтобы, в случае поднятия восстания в Грузии, такие же восстания произошли и в других частях Закавказья, чтобы одновременно восстало все Закавказье вместе с Дагестаном. При этом о целях восстания участники заговора заранее должны были осведомить и соседние госу-

дарства, главным образом, Персию и Турцию, от которых заговорщики ждали определенной поддержки.

Был разработан и технический план восстания, — с каких действий оно должно было начаться и как оно должно было развиваться в дальнейшем. План этот назывался «Распорядком первой ночи»; этим «распорядком» предусматривались даже мельчайшие подробности. Первым актом восстания должно было быть почти поголовное истребление всего русского чиновничества в Тифлисе и обезоружение русских войск. Это истребление предполагалось осуществить на ужине, данном грузинским дворянством. Собственно, в этом и заключался план заговора. В случае удачного начала восстания, предполагалось возвести на грузинский престол царевича Александра, проживавшего в Персии, с которым заговорщики имели сношения через борчалинских тюрок. Планом намечен был в основном и государственный строй будущей Грузии, который заговорщики мыслили лишь в форме монархии, при чем предполагалось некоторое ограничение власти царя в пользу дворянской знати. Центральное правительство намечалось в форме каких-то двух палат: верхнее управление («зеда саммартвело»), в которое должен был входить и царь, и нижнее управление («кведа саммартвело»), которое должно было бы состоять из депутатов от уездов¹.

Важно то, что заговорщики имели целью отторгнуть Грузию от России и возвести на трон одного из царевичей, т.е. восстановить образ правления, существовавший до аннексии Грузии Россией. Одним словом, Грузия должна была вернуться к старым порядкам. Однако, это было уже невозможно. Заговор 1832 года был последней попыткой со стороны грузинских монархистов восстановить старое феодальное царство. Эту попытку заранее можно было считать обреченной на провал.

Сперва восстание было назначено на 20-е ноября 1832 года, потом его пришлось отложить на 6-е декабря того же года; по разным соображениям, его снова перенесли на 20 декабря. Но 9 декабря 1832 года один из вид-

¹ По словам некоторых заговорщиков, царевич Окропир, как будто, был сторонником республиканского строя с сеймом во главе; но это было, очевидно, только его личное мнение.

нейших членов заговора — Ясе Палавандишвили — явился к заместителю начальника Кавказского корпуса и сообщил ему о существовании заговора грузинских князей. Дело провалилось, большинство заговорщиков было арестовано как в Тифлисе, так и в Петербурге.

Таким образом, дворянский переворот в Грузии путем заговора не удался. Грузинское дворянство обожглось второй и последний раз. На допросах во время следствия почти все участники заговора вели себя позорнейшим образом: они оговаривали и выдавали друг друга и, как маленькие дети, признавая себя тягчайшими преступниками перед царем, выпрашивали пощаду у него же. И действительно, русское правительство отнеслось ко всем этим заговорщикам очень мягко, за исключением одного Додашвили, не принадлежавшего к дворянскому сословию и сосланного на вечное поселение в Сибирь. Остальные частью были совершенно освобождены от всякого наказания, частью высланы в разные города европейской России, но скоро все они были помилованы и возвращены обратно на родину. Такая мягкость русского правительства по отношению к участникам заговора, хотя и неудавшегося, объясняется, главным образом, тем, что все они принадлежали к феодальной знати. Будь они крестьяне, с ними расправились бы самым жестоким образом. Но правительство учло вместе с тем, и то обстоятельство, что эти горе-заговорщики все чистосердечно раскаялись и просили царя о милости. В благодарность за такую милость все они сделались преданнейшими слугами русского царя и крепкой опорой самодержавия. И русское правительство, со своей стороны, должным образом оценило заслуги всех этих людей, бывших когда-то заговорщиками; многие из них получили крупные награды и были поставлены на высокие посты, вплоть до помощника наместника Кавказского (Гр. Орбелиани). В общем, после этой истории все грузинское дворянство как-будто сразу образумилось и стало на путь «истины». Отказавшись навсегда от всякой мысли о восстановлении грузинского царства, оно сделалось самым сильным оплотом русского самодержавия не только в Грузии, но и на всем Кавказе. Грузинское дворянство решило доказать русскому самодержавию, что оно готово служить

ему верой и правдой, что оно не будет щадить своей жизни ради его блага. И, действительно, оно это доказало своими подвигами на военном поприще как против внешних врагов, так и почти во всех войнах русского самодержавия против горских народностей Кавказа. Но самую важную и существенную услугу грузинское дворянство оказывало русскому правительству при подавлении крестьянских восстаний в самой Грузии, в чем заинтересовано было само дворянство весьма существенно. Вот почему русское самодержавное правительство так много заботилось о грузинском дворянстве, предоставляя ему всякие привилегии и преимущества и совершенно простив ему все прежние «прегрешения» против русского правительства, в том числе и попытку совершить государственный переворот в 1832 году путем заговора.

IV. «ИЮНЬСКИЕ ДНИ» В ТИФЛИСЕ В 1865 ГОДУ.

Под этим названием известно выступление в Тифлисе мелких торговцев и ремесленников летом (в июне) 1865 г. Это выступление произошло совершенно неожиданно; оно было стихийным взрывом, охватившим очень широкие слои ремесленников и мелких торговцев. Вместе с тем, оно приняло характер настоящего бунта, выявившего протест мелкобуржуазных слоев городского населения Тифлиса, с одной стороны, против произвола полицейской власти, не желавшей считаться с каким-либо законом, а с другой, — против только что нарождавшихся капиталистических отношений.

Поводом для бунта послужило введение «дополнительного налога» для увеличения городских доходов. Разумеется, все городские налоги, в том числе и вновь вводимый, всей своей тяжестью падали, главным образом, на трудовые элементы и на мелкобуржуазные слои, т. е. на ремесленников и на мелких торговцев. Благодаря тяжести этих налогов, положение рабочего люда, главным образом, ремесленников, так называемых амкаров, становилось все более и более тяжелым. На этой почве среди этих слоев уже наметилось довольно сильное недовольство против властей. Весть о том, что правительство вводит еще новый дополнительный налог, сразу воспламенила всех тех, кого он мог задеть, словом, это обстоятельство как бы подлило масла в огонь.

Правда, возмущения в Тифлисе бывали и раньше (в 1829, 1830 и 1853 г. г.), но выступление 1865 года приняло действительно грандиозные размеры.

Об этом событии заговорили как правительство, так и широкие общественные круги, пресса и т. д. В официальном органе — «Русском инвалиде» — были приведены следующие сведения об этих событиях: «27 и 28 июня (1865 года) общественное спокойствие в Тифлисе было внезапно

лу. Ф. М.), высокий пост (помощника наместника Кавказа), общественное уважение, которое якобы он имел, и беседа подслащенным языком, — всего этого будет достаточно, чтобы успокоить возмущенную толпу. Но он глубоко ошибся... Никакие советы не возымели действия».

При этом Меунаргия передает следующий характерный разговор. Орбелиани обратился к толпе со следующими словами: «Дети мои, образумьтесь, успокойтесь, закон для всех один: вот я — верховный правитель, я сам несу расходы на содержание лошади. Вот, видите, дети мои?» На это один из толпы дал ему прямо уничтожающий ответ... «Эх, почтеннейший! Ваше дело совсем другое: вы лошадь кормите, нас же лошади кормят. Вот какая разница между нами! Откуда мы заплатим увеличенный налог, если неоткуда его взять?» После всего этого Орбелиани ничего другого не оставалось, как поскорее покинуть площадь и отдать приказ о подавлении бунта при помощи войск. Но за подавление этого бунта и за малое будто бы количество жертв при его подавлении он получил царскую благодарность.

Другой эпизод касается настроения солдат, выведенных на площадь против бунтовщиков. Как видно, отдельные солдаты интересовались вопросом, чем был вызван этот бунт. И вот эти «бунтовщики», — по сути дела самые мирные обыватели из мелких торговцев и ремесленников, — весьма удачно раз'ясняли солдатам, почему они «бунтуют» против правительства. «Зачем мы бунтуем?» — говорили они, обращаясь к солдатам, — «да, мы бунтуем именно из-за вас: они (т.-е. правительство) хотят, чтобы мы водку и табак вам дорого продавали; теперь они захотели, чтобы вы пятнадцать копеек платили за рюмку водки... и т. д. Разумеется, такой простой и понятный ответ устраивал солдат в пользу бунтовщиков, и многие из них, очевидно, в душе сочувствовали тем самым бунтовщикам, которых они должны были усмирить посредством ружей и пушек.

В своих официальных изданиях русское правительство рисовало это дело так. Амкары требовали аннулирования вновь введенных налогов или же их отсрочки; мелкие буржуа и вместе с ними и рабочие требовали, незави-

симо от того, будут аннулированы или нет эти налоги, чтобы все городские дела отныне рассматривались и решались выборными от городского населения лицами. Все городские работы должны были выполняться по обсуждению и под контролем тех же самых выборных лиц; они же должны были устанавливать и собирать налоги. Иначе говоря, они требовали настоящего демократического самоуправления. Что такие мысли возникали тогда у участников июньских событий в Тифлисе, — в этом не было ничего удивительного, но требования в этом виде взбунтовавшимися торговцами и ремесленниками не были предъявлены. Их требования были очень скромны и ограничивались отменой дополнительного налога на питейные заведения и на лошадей или же отсрочкой его взимания. Тем не менее, события эти имели огромное значение. Они заставили правительство призадуматься и учесть полученный урок. В конце концов, требование мелких торговцев и ремесленников об отмене этого дополнительного налога было удовлетворено, и горожане на этом успокоились.

Старого городского голову сменил назначенный властями Абесаломов, который сумел внести некоторое успокоение.

Так закончился «бунт» торговцев и ремесленников в 1865 году. Он имел, конечно, свои последствия. В связи с этими событиями было возбуждено ходатайство об изменении городского положения 1840 г., вместо которого в 1866 г. 10 августа ввели новое положение.

На эти волнения откликнулась не только грузинская, но и российская общественность. По этому же поводу появилась интересная статья Н. Николадзе в газете Герцена «Колокол», издававшейся в Лондоне, а известный реакционер Катков поместил целый ряд возмутительных и провокационных статей в «Московских ведомостях», в которых он обвинял местное население в том, что оно настроено и против русских вообще, и против русского правительства, что оно желает отделения от России, что во всей этой истории замешаны поляки и т. п. Катков не щадил и предстателей русского самодержавия на Кавказе, обвиняя их в излишне мягком отношении «к туземному населению» и требуя замены его более твердым курсом.

Понятно, человеконенавистническая проповедь г. г. Катковых принесла свои плоды: известно, что даже те куцые реформы, которые царь вводил в начале 60-ых годов XIX столетия во внутренних губерниях России (земство, городское самоуправление, суд присяжных и т. д.), в Закавказьи не были проведены, и хотя впоследствии некоторые из них и были введены в Закавказьи, но в совершенно изуродованном виде. Мотивировалось все это тем, что Закавказье, и в частности Грузия, является «дикой» страной, населенной чуть ли не дикарями. Таковы были плоды травли грузинского населения со стороны русских шовинистов и великодержавников. Мы уже говорили выше, что социально-экономическая политика царизма вызывала огромное недовольство трудящихся масс. Условия крестьянской реформы были таковы, что положение крестьян ухудшилось еще больше; этим объясняется то, что во второй половине XIX века (особенно к концу его) Грузия переживала непрерывные волнения на аграрной почве. Правительство, поддерживая господствующие классы, жестоко расправлялось с крестьянами, арестовывая и переселяя их в Сибирь иногда целыми селениями. Особенно часто происходили крестьянские волнения в Карталинии и Гурии.

Мало того, что царское самодержавие не удостоило Грузию даже и тех жалких реформ, которые были введены в России (суд присяжных, земское самоуправление и т. д.), за все время господства русского самодержавия Грузия оставалась без высшего учебного заведения, хотя, начиная с 70-х годов XIX столетия, не раз возбуждалось ходатайство об открытии университета в Тифлисе.

V. НАСЕЛЕНИЕ.

Еще 30—35 лет тому назад я приступил к изучению вопроса о народонаселении Закавказья вообще, и в частности Грузии — в XIX столетии. В статье, напечатанной в журн. «Квали» в 1901 году, я сделал сводку собранным материалам. Я ставил себе целью выяснение четырех вопросов, а именно: 1) общего количества населения, 2) населения городов, 3) национального состава населения и 4) состава плательщиков налогов. Я тогда же отмечал трудности, с которыми пришлось встретиться в виду бедности статистических данных; благодаря этому пришлось пользоваться разбросанными в разных затерянных изданиях скудными сведениями. Особенной скудостью отличались материалы первой половины XIX столетия.

Как уже отмечал выше, население в Грузии в конце XVIII века сильно поредело и, вместо тенденции к росту, наблюдалась обратная тенденция в сторону систематического его уменьшения. Это ненормальное явление, конечно, имело свои причины.

В старой Грузии переписи населения не производились, или производились очень редко. Новая же власть нуждалась в переписи, главным образом, в фискальных целях. И, действительно, русское правительство почти сразу после своего водворения в Грузии два раза произвело перепись (в 1806 г. и 1811 г.) в Восточной Грузии; о Западной же Грузии за этот период мы не имеем почти никаких более или менее точных данных. Отмечу здесь же, что в начале XIX века обстоятельства не способствовали росту населения. В 1811 году Имеретию постиг жестокий голод, что вообще в Грузии было частым явлением. Вслед за голодом появилась и чума.

Тогдашний правитель Имеретии Г. Симонович писал по этому поводу следующее: «Имеретию постигло большое несчастье: голод и чума уничтожили население на полю»

вину». Если принять во внимание, что, даже по официальным данным, количество жертв от стихийных бедствий выразилось в 42.000 душ, Симонович был в своих утверждениях прав.

Общее количество населения.

По нашим исчислениям в начале прошлого века население всей тогдашней Грузии равнялось 413.929 душам; эти цифры распределялись так:

В Восточной Грузии (Кახетии и Карталинии) (1806 г.)	168 929 д.
в Имеретии (1810) (1806)	120.000 д.
в Гурии (1810) (1806)	25.000 д.
в Мингрелии (1804) (1806 г.)	100 000 л.
Всего	413.929 д.

Эти цифры близки к истине. Мы знаем, что в начале XIX столетия собственно грузин было 380.000. Рост собственно грузинского населения показывают следующие данные:

В 1835 г. грузин было 432.000, в 1865 г. — 852.319 и в 1886 г. — 1.261.701 чел.

После 1886 года мы не располагаем статистическими данными, определяющими количество населения Закавказья по народностям. И если мы все-таки пожелаем установить численность населения Грузии в 1899 году, то для определения этой численности у нас есть два способа: во-первых, ежегодные приросты грузинского народа, во-вторых, процентное отношение его к общему числу жителей Закавказья. Как известно, численность грузин в 1886 году равнялась 1.261.701. Если принять, что ежегодный прирост грузин составляет, по крайней мере, 1,5 проц. (до 1886 года этот прирост определялся в 3,76 проц.), то за 13 лет количество грузинского населения должно было увеличиться, примерно, на 250.000 душ. Прибавив это число к общему количеству грузин за 1886 год, получим: $1.261.701 + 250.000 = 1.511.701$, — цифра, определяющая приблизительную численность грузин в 1899 году. Если, с другой стороны, примем, что грузины составляют 27,57 проц. всего числа жителей Закавказья, то этот процент для 1899 года соста-

вит 1.538.017, т.-е. цифру, очень приближающуюся к цифре, полученной нами по первому исчислению. Таким образом, численность грузин к концу XIX столетия должна была равняться, примерно, $\frac{1.511.701 + 1.532.017}{2}$ или 1.524.859. Следова-

тельно, количество грузин в течение XIX века увеличилось больше, чем в четыре раза, т.-е. дало рост на 301,5 проц., — явление очень редкое в истории численного роста народов.

Население городов.

В начале XIX века городов в Грузии, в строгом смысле этого слова, за исключением Тифлиса, не существовало. Такие центры, как Кутаис, Гори, Сигнах, Телав и др. представляли собой, в лучшем случае, поселения городского типа. Правда, и в этом случае, мы не располагаем статистическими данными, однако, все имеющиеся в нашем распоряжении данные о социально-экономических условиях того времени свидетельствуют о том, что в Грузии начала XIX столетия городской жизни не было.

По переписи 1806 года в Тифлисе проживало всего 5.126 душ, из них 2.607 мужского пола и 2.555 женского¹. Через пять лет, т.-е. в 1811 году количество жителей достигло уже 8.237 душ. Количество проживавших в Тифлисе грузин в это время было крайне незначительно, армяне же составляли громадное большинство. Кроме них, проживали также «гатары» (т.-е. турки) и персы. В числе их так называемых горожан (мокалаке) было до 1.000 чел., остальное же население составляли крестьяне разных категорий.

В Восточной Грузии, кроме Тифлиса, городами считались: Гори, Телав, Сигнах и Ананури. В них проживало: в Гори — 1.200 душ, в Сигнахе — 1.300, в Телаве — 1.100 душ, и в Ананури — 300 душ.

В Западной же Грузии Кутаис, считавшийся самым большим и старинным городом, — в начале XIX столетия скорее походил на село. Жителей было всего несколько

¹ См. Акты Кавказской археографической комиссии, т. III, стр. 714.

сот, преимущественно грузин-католиков и евреев, занимавшихся мелкой торговлей. Об остальных же «городах», как Озургеты, Редут-Кале, Зугдиди и пр., и говорить не приходится. Впрочем, в Грузии был еще один город — Ахалцих, с населением 12.000 душ, но он тогда принадлежал Турции.

Таким образом, население всех городов Грузии, в первом десятилетии XIX века, не превышало 10—12.000 душ, что составляло 3 проц. всего населения.

Нижеприводимая таблица показывает последующую динамику роста населения в городах Грузии.

Города	Количество жителей			
	1835 г.	1865 г.	1866 г.	1897 г.
Тифлис	25.290	67.770	78.445	160.645
Кутаис	2.000	11.807	22.643	32.492
Батум	—	—	14.807	28.512
Ахалцих	13.000	11.617	16.116	15.387
Поти	—	1.039	4.709	7.666
Сухум	—	1.612	—	7.809
Гори	3.000	5.054	7.243	10.457
Телав	2.680	7.240	11.214	11.810
Сигнах	3.500	9.687	10.604	8.998
Душет	1.700	2.525	2.027	2.456
Ахалкалаки	—	2.260	4.303	5.443
Озургети	300	700	1.472	4.694
Всего	51.470	121.311	173.579	296.369

Таким образом, рост населения в городах Грузии с 1835 года до 1897 года выразился в 476 проц., или население выросло абсолютно на 244.899 душ.

Этот значительный рост свидетельствует о том, что в Грузии XIX столетия во всех областях хозяйства и в социальных отношениях наметились сильные сдвиги.

Интересно проследить эти сдвиги в росте национальных групп. В этом отношении наиболее яркую картину представляет Тифлис. Беря три главные национальности — грузин, армян и русских, мы видим, что в Тифлисе проживало:

	в 1835 г.	в 1865 г.	в 1876 г.	в 1897 г.
русских	— ¹	12.462	19.574	36.113
грузин	4.217	14.878	21.623	38.357
армян	18.820 ²	28.488	37.308	55.553

В процентном отношении к общему числу населения

	в 1835 г.	в 1865 г.	в 1876 г.	в 1897 г.
русских	—	18,30	21,85	24,73
грузин	16,67	21,85	24,14	26,32
армян	74,41	41,85	41,64	38,12

Из этой таблицы видно, что в росте г. Тифлиса на первом месте стоят грузины. В 1835 году их было 4.217, а в 1897 году — 38.357, т.-е. за 56 лет число грузин увеличилось на 809,5 проц., тогда как за это же время число армян увеличилось всего на 195,9 проц. Таким образом, динамика процентного роста грузин такова: в 1835 году они составляли всего 16,67 проц., а в 1897 году уже 26,32 проц., тогда как армяне с 74,41 проц. (в 1835 г.) спустились до 38,12 проц. (в 1897 году).

Самодержавие в Грузии, как в колонии, стремилось всячески затормозить развитие капитализма, сохранить условия господства крепостнических и полукрепостнических отношений в деревне. Несмотря на это, как увидим в дальнейшем изложении, капиталистическое развитие хотя и медленно, но систематически прокладывало себе путь и в городе, и в деревне.

Со второй половины XIX века в Грузии развивается промышленность, строятся железные дороги, которые, не говоря уже о их стратегическом значении, связывают страну с мировыми рынками, растет торговля. Под влиянием этих основных факторов появляются новые промышленные центры, увеличивается число населения городов. На рост населения городов также влияют пролетаризация и отлив населения из деревень в города, увеличивая тем самым ряды пролетариата Грузии.

¹ Сведений не имеется.

² Данные за 1835 г. взяты из книги Евецкого, по данным же Щюбуа в 1834 г. в Тифлисе проживало 17.834 армян.

Население Грузии по сословиям.

По вопросу о социальном составе населения у нас имеется также очень мало данных. Некоторое представление об этом дают материалы о сословиях в Грузии. Перед упразднением крепостного права Грузия по сословному составу населения представляла следующую картину:

Тифлисская и Кутаисская губернии в 1859 — 1861 г.г.

Название губерний	Дворянство	Духовенство	Горожане	К р е с т ь я н е					
				Государственные		Церковные		Крепостные	
				Дымов.	Душ	Дымов.	Душ	Дымов	Душ
Тифлисская	21538	8993	25535	—	342400	8305	55399	17281	122244
Кутаисская	23524	—	—	15030	117001	6209	46481	24524	181387
	45062	8993	25535	15030	459401	14514	101880	41805	303631

Из приведенных данных мы видим, что в 60-ых годах крестьяне Тифлисской и Кутаисской губерний (по Кутаисской губернии только пять уездов) вместе составляли приблизительно 864.915 душ, дворяне же — 45.062 души. Значит, в обеих губерниях на одного дворянина тогда приходилось, приблизительно, 19 крестьян. Отдельно по Тифлисской губернии на одного дворянина приходилось 24, по Кутаисской — 14 крестьян.

Теперь посмотрим, что представляли эти губернии в отношении сословного состава населения в 1886 году. (См. табл. на стр. 71).

К сожалению, эти цифры не заслуживают большого доверия. Но за 1890 год мы имеем сведения более заслу-

Название губерний	Дворянство	Духовенство	Горожане	К р е с т ь я н е			Временно обязанные крестьяне	Хизаны
				Государств. крестьяне		Собственники земли		
				На госуд. землях	На дворян. землях			
Тифлисская	23327	10655	82378	451114	127984	24379	61841	33747
Кутаисская	62004	16325	47421	217468	211855	328674	13616	15250
В с е г о	85331	26980	129799	668582	339839	353053	75457	48997

живающие доверия, а именно¹: дворянство в Тифлисской губернии составляло 25.846 душ, в Кутаисской — 51.100 душ. Кроме этого, в том же году в Тифлисской губернии числилось 19.937 дымов временно-обязанных крестьян. В Кутаисской губернии в 1889 году числилось таких же временно-обязанных 48.261 дым. До 1889 года из этого количества освободилось 23.407 дымов².

Что касается крестьян-собственников, в Тифлисской губернии в 1890 году их было 8.363 дыма, в Кутаисской губернии — 96.912 дымов (245.308 душ), так что эти сведения сходятся со сведениями 1886 года.

Таким образом, приведенные сведения, как далеко не полные и небезупречные, не могут дать полной картины движения населения по сословиям в Грузии. Во всяком случае, попытаемся сколько-нибудь обрисовать это движение. В 1865 году крестьянство Тифлисской губернии составляло 86 проц. всего населения, военное сословие — 4,2 проц., дворянство — 3,5 проц., духовенство — 1,5 проц. и

¹ За это время в названных губерниях произошли большие территориальные изменения: от Тифлисской губернии отошел Гянджинский уезд, где большинство государственных крестьян, Ахалцихский уезд (прежде Кутаисский) присоединился к Тифлисской губ., но взамен к Кутаисской губернии присоединили Батумский округ.

² В Тифлисской губернии до января 1899 года освободилось 3466 дымов крестьян, при помощи государства (см. «Иверна», № 250, 1899 г.).

горожане — 4,21 проц., а в 1886 году первое составляло 84,55 проц., дворянство — 2,4 проц., духовенство — 1,4 проц. и горожане¹ — 10,20 проц. Данные о Кутаисской губернии не позволяют выявить такого подразделения сословий. Однако, следует полагать, что соотношение в общем там было, приблизительно такое же, как и в Тифлисской губернии. В отдельности же дворян в Кутаисской губ. было 6,73 проц., т. е. больше, чем в два раза, против Тифлисской губернии.

Таким образом, мы видим, что дворянство и духовенство в Грузии, в отношении к общему количеству населения, составляли очень большой процент, не только сравнительно с Россией, но и сравнительно с остальными странами Закавказья. По сравнению с Россией в Грузии дворянства больше на 3,73 проц., по сравнению с остальным Закавказьем — на 2,04 проц. Как мы уже указывали выше, разница была также между Тифлисской и Кутаисской губ.: в первой дворянство составляло 2,89 проц., во второй — 6,73 проц.

Прежде, чем закончить эту главу — коснемся еще одной части крестьянства, именно государственных крестьян, но не в целом, а только той категории, которая сидела на казенной земле.

Государственных крестьян было:

Название губерний	1873 г.		1884—85 г.г.		Прирост и убыль в % ‰
	Дымов	Душ.	Дымов	Душ.	
Тифлисская	42.757	327.966	48.250	309.090	— 5,15
Кутаисская	17.930	123.719	20.997	138.848	+12,22

Таким образом, говоря о сословных отношениях в Грузии, мы видим здесь резкую социальную дифференциацию.

¹ В число горожан входили, наряду с ремесленниками и торговой буржуазией, служилое чиновничество и пролетариат.

VI. ХАРАКТЕР И СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

На рубеже XVIII и XIX столетий Грузия представляла типичную страну натурального хозяйства. Крестьянская семья не только занималась производством сырья — кожи, шерсти и т. д. — для собственного потребления, но и перерабатывала его своими силами. В крестьянской семье изготовлялись различные ткани, шилась обувь, выделялись предметы домашнего обихода, сельско-хозяйственный инвентарь и пр.

Обрабатывающая промышленность еще не отделилась от сельского хозяйства. Ремесленники не выделились в особый класс, не порвали еще связи с сельским хозяйством.

Города Грузии не являлись еще средоточием торговой промышленности жизни страны с широким развитием ремесленной техники.

Число свободных ремесленников в городах было незначительно. Хотя они и имели свои цеховые организации (амкарства), но удельный вес этих организаций был крайне низок.

Тем не менее, следует отметить, что в Тифлисе была в зачаточном состоянии промышленность: существовали типография, монетный двор, стекольный, пушечный и пороховые заводы. Был поставлен вопрос об открытии сахарного завода. Перед самым концом 18 века Ираклий II писал в Петербург к Г. Чавчавадзе, представителю Грузии в России, чтобы он добился от русского правительства посылки мастеров для открытия в Грузии суконной фабрики¹.

В это время разрабатывались ахтальские рудники, где добывали медь и в незначительном количестве серебро. Но такое положение должно было решительно измениться с появлением русской власти. Россия ввела в Грузию достаточно большое количество войск. За этим должно

¹ «История классовой борьбы в Закавказье», изд. ЗКУ, стр. 180.

было последовать,—и действительно последовало,—появление огромного кадра чиновников. Для всей этой массы нужно было иметь достаточное количество провианта и одежды. Таким образом, сразу появилась нужда в большом количестве всякого рода товаров, которые стали приобретать уже на деньги. Конечно, на месте нужного количества товаров не было; его нужно было ввозить из России или из-за границы, т. к. местное производство не могло удовлетворить всей потребности. Легко представить себе, как это могло повлиять на рынок. «С установлением русского правления»,—пишет Дубровин,—«всякий товар, а также провиант в Грузии вздорожал; ценность золота упала, серебро совсем обесценилось; в этом обвиняли Ковалевского, который имел дело с одним тифлисским купцом—Бегтабеговым»¹. Конечно, это означало, что для крупной спекуляции нарождалась, вернее уже народилась, тогда же благоприятная почва; это было вполне естественным явлением.

Этот сдвиг совпал с тем временем, когда быстро развивавшаяся **русская капиталистическая промышленность старалась завоевать внутренний рынок**, главным образом посредством покровительственной политики. Эта покровительственная политика требовала обложения иностранных товаров такой пошлиной, которая фактически являлась запретительной. Та же политика была распространена и на Грузию. Но дело в том, что ввоз товара из центров России в Грузию был тогда очень затруднителен и обходился весьма дорого. Несмотря на это, крепнущая русская буржуазия добивалась завладения рынками Грузии для сбыта своих товаров. Хотя и была сделана попытка построить в Тифлисе суконную фабрику для нужд войск, даже приступили к постройке здания, но попытка осталась попыткой. С другой стороны, существовавшая в России таможенная запретительная система одинаково не отвечала как интересам хозяйства самой Грузии, так и интересам русской власти в Грузии (и вообще всего Закавказья), ибо препятствия, чинившиеся ввозу товаров из-за границы, затрудняли пропитание войск и создавали опасность для самой власти. Этим были вызваны неоднократные изменения в действовавшей таможенной системе, сделанные для Грузии в

¹ См. указанную книгу Дубровина, стр. 52.

первой половине девятнадцатого столетия. Так, русская таможенная система была введена в Грузию в 1803 году, но в 1807 году действие ее временно было приостановлено. В 1817 году вновь ввели эту же систему с некоторыми изменениями. Положение 1817 года действовало до 1821 года. За это время импортировалось ежегодно товаров на 809.315 руб. в среднем, экспортировалось же на 166.767 руб. В 1821 году, по ходатайству главнокомандующего Ермолова, Закавказье получило значительные льготы по внешней торговле, а именно: разрешалось ввозить из-за границы всякого рода товары в продолжение 10 лет (с 1822 г. по 1832 г.), с уплатой в пользу казны пошлины лишь в размере 5 проц. стоимости товара. Если же товар вывозился из Грузии в Россию, взималась обычная пошлина. Кроме того, иностранным и русским купцам для ведения торговли в Закавказьи были даны привилегии. Эти мероприятия значительно облегчили торговлю с заграницей. В 1822—1832 годах импорт Закавказья (по имеющимся материалам выделить данные по Грузии из общезакавказских данных не представляется возможным) выразился в сумме 1.700.000 рублей, а экспорт более, чем в 700.000 р.¹, т. е. сравнительно с 1817—1821 годами импорт увеличился на 891.000 рублей, или на 100 проц., экспорт же—на 533.233 руб., или на 320 проц. Нужно отметить тот факт, что как раз в это время тифлисские купцы связались с европейскими рынками, как, например, с Марселем, Лейпцигом, Триестом и другими торговыми центрами Зап. Европы. Ввозимый товар тифлисские купцы в свою очередь вывозили в Персию, так что торговля Европы с Персией происходила в тот период через поля Тифлиса, а не Трапезунта, как это было позднее. Но как раз в то время, когда в Грузии и вообще в Закавказьи был введен льготный таможенный тариф, в России был издан новый таможенный тариф, еще в большей мере огораживавший интересы русской промышленности, иными словами, в большей степени ограничивавший ввоз товара из-за границы. Действовавший же в Закавказьи льготный тариф нарушал этот новый порядок; поэтому российские фабриканты стали добиваться его отмены. Одновременно

¹ См. Дюкруза — «Торговля Закавказья с заграницей», старое изд., стр. 409—410.

они стали требовать воспреещения вывоза из Грузии заграничного товара в Персию и Турцию, т. к. льготный тариф лишал их конкурентоспособности на рынках этих стран. Их требованиям вняли, и в 1831 году в Закавказьи вновь был упразднен льготный тариф, а взамен было введено положение 1822 года. При этом, на некоторые товары, например, на мануфактуру, наложили еще большие пошлины, чем даже в самой России, что, по существу, означало полный запрет ввоза мануфактуры из-за границы. Результатом этого было то, что Тифлис в торговле с Персией и Турцией утратил свою роль, как транзитный центр. Заграничные товары (главным образом, английские) стали направляться в Трапезунт, а оттуда через Эрзерум в Персию.

Такое положение продолжалось до 1846 года, когда, по ходатайству наместника Кавказа Воронцова, Закавказью вновь вернули утерянные льготы в области торговли с заграничьем; одновременно был разрешен беспошлинный вывоз товаров в Персию. Такое положение длилось до конца 1850 года. С 1 января 1851 года во всей Российской империи был введен новый таможенный тариф, заключавший в себе отдельный параграф, касающийся налагаемых пошлин на ввозимые в Закавказье товары.

Интересно отметить, что в 1832—1846 годах, когда ввоз товара из Зап. Европы фактически был почти прекращен, импорт из Персии сильно возрос, благодаря существовавшему льготному таможенному тарифу для привозившихся из Персии товаров. В каком взаимоотношении импорт из Европы находился с импортом из Азии, видно из следующих данных: импорт из Европы в 1832—1850 годах выразился в 5.745.706 рублях, из коих 3.048.881 руб., или 53,1 проц. всего импорта приходилось на сахар; на кофе приходилось 175.811 руб., или 3 проц.; на красильные вещества—573.288, или 10,2 проц.; на напитки приходилось 530.740, или 9,9 проц.; на шерстяные товары—455.522 руб., или 7,9 проц., а через азиатскую границу (из Персии, Турции) за тот же период было ввезено на сумму в 52.470.055 руб., в том числе хлопчатобумажных товаров на 28.866.253 руб. или 55,1 проц. всего импорта; шелковых тканей—на 7.104.787 руб. или 13,6 проц., коконов на 4.407.994 руб. или 8,4 проц.; фруктов — на 2.336.408 руб., или 4,4 проц.; шерстяных товаров — на 1.462.822 руб.

или 2,8 проц.; скота—на 750.644 руб. или 1,4 проц.; табаку—на 751.416 руб. или—1,4 проц.; зерна на 583.367 руб. или—1,1 проц. и т. д.

Таким образом, за 18 лет (1832—1850 гг.) из-за границы (из Европы и Азии) в Закавказье всего было завезено товаров на 58.212.799 руб., из них—из Европы—на 5.742.706 руб. или 9,9 проц., а из Азии—на 52.470.033 руб. или 90,1 проц. В среднем годичный ввоз равнялся 3.234.041 руб. Для характеристики того, как возрастал импорт за это время, приведем следующую таблицу.

Годы	И м п о р т (в р у б л я х)		
	Из Европы	Из Азии	В с е г о
1832	32.567	598.988	631.556
1833	48.475	528.108	576.582
1834	136.090	1.607.842	1.743.932
1835	115.458	1.951.656	2.047.096
1836	129.586	2.600.158	2.729.745
1837	279.962	2.478.916	2.758.909
1838	164.468	2.961.653	3.126.122
1839	337.758	2.681.213	3.018.971
1840	292.144	3.114.590	3.406.735
1841	258.482	2.920.521	3.158.804
1842	307.457	3.431.264	3.738.721
1843	407.437	3.233.170	3.640.607
1844	388.244	3.035.475	3.425.720
1845	377.204	3.515.103	3.902.370
1846	466.007	3.426.760	3.892.768
1847	515.170	3.450.946	3.969.116
1848	414.628	3.760.313	4.174.941
1849	495.028	4.038.860	4.533.888
1850	596.534	3.144.676	3.741.211

Таким образом, уже в первой половине 19 столетия торговля в Закавказьи и, главным образом, в Грузии—значительно выросла. Большая часть товаров поступала из-за границы, хотя в довольно большом количестве ввозились товары и из России. Главным торговым центром, как для заграничных, так и для российских товаров был Тифлис.

Торговля с Россией производилась через Военно-Грузинскую дорогу. Ценность годового импорта из России в 1840—50 гг. выражалась приблизительно в сумме от 1.800.000 до 2.500.000 руб. Ввозили, главным образом, мануфактуру, железные, медные и стеклянные изделия. Торговлю вели преимущественно тифлиссские купцы-армяне, но постепенно стал повышаться удельный вес в торговле русских купцов.

Как видно из приведенных выше сведений, ценность ввезенного из России и за границы товара в 40 и 50-тых годах 19-го в. в среднем превышала сумму в 5.000.000 руб. за год. Какую роль играли в общем обороте местные грузинские товары, выяснить невозможно, за неимением соответствующих статистических данных.

Сравнительно с первыми годами 19-го столетия хозяйственные и социальные условия в Грузии существенно изменились, благодаря усилению товарного обращения, вызванного, главным образом, заграничным импортом. Так или иначе, в общественной жизни Грузии того времени произошли большие изменения, сдвиги, заметить которые с первого взгляда было не так легко. Главное изменение заключалось в том, что уже начался процесс ломки патриархально-натурального хозяйства. По мере того, как возростала и развивалась торговля, в такой же мере усиливался и процесс этой ломки. Общественные потребности росли с одной стороны, а с другой—возрастала потребность в деньгах, в первую очередь, в среде дворян-помещиков, которые жили исключительно за счет эксплуатации крепостного труда, извлечения из него прибавочного продукта. На почве роста товарно-денежных отношений в 19-м в. росла задолженность грузинского дворянства.

Следствием этого явления было то, что дворяне закладывали поместья и усиленно продавали своих крепост-

ных крестьян. Вскоре, то и другое приняло массовый эпидемический характер.

Рост потребности в деньгах в то же время вызвал развитие ростовщического капитала, что нашло отражение, между прочим, и в художественной литературе (роман Ардазиани—«Соломон Меджгануашвили», роман Г. Церетели—«Пирвели набиджи», Ег. Ниношвили—типы Дроидзевы и др.).

Ввозившийся извне товар подвергался местной переработке (в кузнечных мастерских и т. д.), причем в первое время цеховое производство не сокращалось. Однако, насколько крепостничество не соответствовало новым экономическим условиям, настолько же была в разрыве с новой жизнью и старинная цеховая организация.

В книге Ленина «Развитие капитализма в России» дается блестящая характеристика влияния России на внутренние отношения Кавказа и Грузии «В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами, особенно на Северном Кавказе, производившими пшеницу, табак и пр. на рынок и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падавших под конкуренцией привозимых московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота, серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.—все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Падала обработка рогов в бокалы, вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пиров,—падал шапочный промысел, вследствие замены азиатского костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов местного вина, которое впервые стало поступать в продажу (развивая бочарное производство) и завоевало, в свою очередь, русский рынок. Русский капитализм втягивал, таким образом, Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности—остаток старинной патриархаль-

ной замкнутости, создавал себе рынок для своих фабрик».¹

Наряду с данными по импорту необходимо здесь же привести сведения об экспорте. Нужно, отметить, что вывоз товара из Закавказья, в частности из Грузии, в первой половине девятнадцатого века имел гораздо меньшее значение, чем ввоз. Кроме того, в экспорте большое место занимали товары, ввозившиеся из России поэтому нижеприведенные цифры включают в себя как русские товары, так и товары местного производства.

Годы	Вывоз из Закавказья (в рублях)	Годы	Вывоз из Закавказья (в рублях)
1832	1.335.819	1842	812.086
1833	336.724	1843	695.330
1834	449.235	1844	960.208
1835	765.708	1845	781.759
1836	220.265	1846	755.456
1837	951.830	1847	832.591
1838	911.943	1848	780.790
1839	759.970	1849	725.180
1840	1.019.990	1850	1.005.996
1841	994.980		
		Всего	15.095.860 руб.

Таким образом, в продолжение 18 лет (1832—1850 гг.) в общей сложности из Закавказья вывезено всех товаров на 15.095.860 рублей, что составляет одну четверть всего импорта. В среднем годичный вывоз равнялся 880.000 руб. Кроме того, из нашей таблицы видно, что в общем вывоз не претерпевал больших изменений. Лишь в 1833-34 и 36 гг., в особенности в последнем, наблюдается резкое его падение, в остальные же годы экспорт держался почти на одном уровне.

Нижеприведенная таблица дает представление об экспортировавшихся из Закавказья товарах. (См. стр. 81).

В таблице перечислены главные предметы вывоза. Кроме этого, вывозили шерсть, табак, соль и прочие предметы, не игравшие, впрочем сколько-нибудь значительной роли².

¹ Ленин, т. III, издание 3, стр. 463—64.

² См. Дюкруа, указанный труд, стр. 424—437.

Вывоз в 1832—1850 годах.

Название товаров	Общая ценность	в ‰ к общему вывозу
1) Сырой шёлк (коконы)	2.494.638	15,8
2) Зерно ¹	1.684.575	10,6
3) Сырая кожа	1.614.696	10,3
4) Хлопковые изделия ²	2.059.136	13,0
5) Медные изделия ³	1.175.318	7,4
6) Нефть	818.644	5,2
7) Хлопок	766.849	4,9
8) Скот	706.695	4,5
9) Шелковые изделия	600.715	3,8
10) Красильные вещества	581.993	3,7
11) Шерстяные изделия	505.392	3,5
12) Лес	244.920	1,5
13) Икра	180.285	1,2
14) Свечи	182.108	1,2
15) Шафран	128.279	0,8

Таким образом, уже в первой половине XIX века стало ясно, что Грузия и Закавказье должны были превратиться в русскую колонию. Этому содействовало также то обстоятельство, что русское правительство и русская промышленная буржуазия не только не думали о развитии местной промышленности, но не заботились даже об улучшении сельского хозяйства, чтобы хоть сколько-нибудь усилить сырьевую базу для российской промышленности. Одним словом, русское правительство совершенно игнорировало вопросы развития производственных сил на месте.

Что касается второй половины XIX столетия, следует сказать, что теперь развитие товарооборота шло еще более ускоренным темпом. Правда, этому очень способствовали сначала упразднение крепостного права, а затем улучшение способов передвижения, именно проведение железной дороги. Но не случилось даже этого, торговля, хоть и более медленным темпом, все-таки развивалась бы.

Крепостное право было упразднено в Грузии в 1864—1867 гг.; первая же железная дорога между Поти и Тифлисом открылась 14-го августа 1871 года. Вне всякого сомнения

¹ Не указано, какое зерно; наверное, наряду с ячменем, сюда входит и кукуруза.

² Наверное и этот товар тоже вывозился из России.

³ Этот товар целиком вывозился из России.

мнения, постройка железной дороги очень быстро подвинула вперед рост торговли и промышленности.

Упразднение крепостного права, проведение железной дороги и возникновение местной промышленности вызвали целую революцию в общественных взаимоотношениях Грузии. Домашнее кустарное производство в деревне, как и цеховое производство в городе стали быстро падать, за исключением некоторых окраинных уголков. Кто заинтересуется грузинской литературой 1870—1890 гг., тому станет ясно, с какой горечью оплакивали тогдашние журналисты, публицисты и писатели ломку и разрушение натурального хозяйства и вторжение в жизнь новых экономических форм. Одновременно с этим, взамен давшего трещину старого феодального строя, возникают другие производственные отношения, иными словами, появляются совершенно новые общественные классы: промышленная буржуазия и городские рабочие—промышленный пролетариат, которых Грузия до того не знала. Этому неизбежно должно было сопутствовать усиление классовой борьбы, которая приняла все более и более острый и организованный характер. Гегемоном в революционном движении становится пролетариат, а крестьянство в его лице получает своего руководителя. Но возвратимся к вопросу о капиталистическом развитии Закавказья.

Эпоху этого развития мы разделим на два основных периода: первый период—до построения железной дороги, с 1851 до 1871 года и второй—с 1871 до 1899 года.

Мы приведем несколько более характерных статистических сведений.

Возьмем сначала торговые обороты с границей. Мы имеем такие цифры¹.

Годы	Ввоз (в рублях)	Вывоз (в рублях)
1851	4.193.433	1.104.800
1864	7.476.000	3.665.000
1870	11.470.000	3.932.000

Таким образом, если примем во внимание, что к концу первой половины XIX столетия в Закавказье ежегодно в

¹ См. мое письмо в журнале «Квали»: «Экономическое развитие нашей страны», 1900 г., № 1, 2, 3.

среднем ввозили на 3.234.041 руб. (ввоз в 1850 году равнялся 3.741.211 руб.), а за то же время из Закавказья вывозили в среднем на 880.000 руб. (1850 г. на 1.005.996 р.), мы увидим, что спустя двадцать лет (1850—1870 г.г.), ввоз возрос на 8.236.100 руб., т.-е. на 255 проц., а вывоз на 3.052.000 руб., т.-е. на 349 проц. Что касается торговых оборотов с Россией, то сведения имеются лишь с 1872 года и дают следующую картину:

Годы	Ввоз (в рублях)	Вывоз (в руб.)
1872	5.333.783	1.908.141
1876	11.923.962	2.871.856

Оборот с границей дает след. данные:

Годы	Ввоз (в рублях)	Вывоз (в руб.)
1872	9.451.029	5.629.413
1876	8.310.546	6.118.453

Отсюда видно, что за пятилетний период (1872—76 гг.) ввоз товаров из границы несколько упал за счет значительного повышения ввоза из России.

В общем, весь оборот по этим данным рисуется в таком виде:

Годы	Весь ввоз (в рублях)	Весь вывоз (в руб.)
1872	14.784.812	7.537.554
1876	20.233.307	8.990.309

Дальнейшее сопоставление ввоза из России и из границы дает следующую картину:

Годы	Ввоз из границы (в рублях)	Ввоз из России (в руб.)
1873	7.826.720	4.992.296
1881	7.951.421	15.835.133

Эти данные показывают нам, что тогда как ввоз из за- границы впродолжение 8 лет (1873—81) оставался стабиль- ным, ввоз из России возрос на 10.842.837 руб., т.-е. на 318 проц.

Со второй половины восьмидесятых годов XIX столе- тия торговые обороты Закавказья показывают уже иное со- отношение между ввозом и вывозом.

Оборот с границей:

Годы	Ввоз (в рублях)	Вывоз (в руб.)
1886	11.452.145	27.812.402
1893	16.477.000	39.358.000

Таким образом, если до восьмидесятых годов про- шлого столетия ввоз из заграницы превышал вывоз, то со второй половины восьмидесятых годов картина резко из- менилась, и вывоз стал превышать ввоз в несколько раз. Это обстоятельство нужно объяснить гигантским ростом нефтяной и марганцевой промышленности Закавказья и усиленным экспортированием за границу продукции нефти и марганца, чему особенно способствовало проведение же- лезной дороги между Баку и Батумом (1883 г.).

Теперь мы подошли вплотную к развитию промыш- ленности в Грузии. Главные отрасли промышленности бы- ли следующие: железная дорога и железнодорожные ма- стерские, марганцевая промышленность в Чиатурах, ткви- бульские каменноугольные копи, табачное производство, кожевенные и мыловаренные заводы, плотничные мастер- ские в Тифлисе и др.¹

Если о торговле у нас за рассматриваемый период имеются очень скудные сведения, то в отношении промыш- ленности дело обстоит еще хуже: имеющийся материал, как собранный тогдашней администрацией (или, что то же самое, полицией) внушает очень большие сомнения.

Ниже приведем сведения за 1887 год. Эти сведения дают приблизительное представление о количестве фабрик

¹ В одно время (1865—1900 г.г.) в Тифлисе существовала также хлопчатобумажная фабрика.

и заводов, о ценности продукции и об общем числе рабо- чих, занятых в предприятиях и производствах по Тифлис- кой и Кутаисской губерниям.

Губернии	Число фаб- рик и заво- дов	Стоимость продукции (в руб.)	Число рабо- чих
Тифлисская	1.543	4.944.737	6.107
Кутаисская	610	5.237.254	6.208
	2.153	10.181.991	12.315

Нужно полагать, что эти цифры не включают желез- нодорожных рабочих, число которых только в Тифлисе, в главных мастерских, в конце XIX столетия достигло 904 ч.

Согласно этим данным, на каждое предприятие в сред- нем приходилось 5 или 6 рабочих. На каждого рабочего приходилось, приблизительно, 827 руб. годовой продук- ции. Из этого мы можем заключить, насколько еще незна- чительным тогда было развитие промышленности. В этом отношении замечалась некоторая разница между Кутаис- кой и Тифлисской губерниями. Например, на предприятие или производство приходилось в среднем: в Тифлисской губ. — 4 раб., в Кутаисской губ. — 10 рабочих.

Нужно признаться, что мы сами мало доверяем этим сведениям, но ими поневоле приходится пользоваться, так как лучшей статистики мы не нашли.

Приблизительно такие же сведения имеются об этих губерниях за 1893-94 г. Данные эти, тем не менее, не лишены интереса. Привожу их ниже.

Губернии	Число фаб- рик и заво- дов	Стоимость продукции (в руб.)	Число рабо- чих
Тифлисская	1.500	4.500.000	12.500
Кутаисская	1.297	28.078.089	10.328
	2.797	32.578.089	22.828

Если приведенные сведения признать верными, то сопоставление их с 1887 годом показывает, что число рабочих за это время возросло на 10.513 чел., т.-е. на 84 проц. Увеличение по Тифлисской губернии еще больше. С другой стороны, общая ценность продукции увеличилась на 23.396.098 руб., т.-е. на 221 проц.; это увеличение относится целиком к Кутаисской губернии.

Но как выше было сказано, приведенные цифры не отражают подлинной картины. Сюда не входит такая отрасль промышленности, как железная дорога, отрасли сельского хозяйства и много других мелких производств. Кроме того, из Грузии, особенно же из Западной Грузии, много рабочих уходило на отхожие промыслы. Некоторые из них оседали в Вост. Закавказьи (напр., в Баку), а другие совершенно покидали пределы Закавказья. Причиной тому было сильное безземелье и слабое развитие местной промышленности.

Таким образом, в Грузии к концу XIX столетия усиленным темпом шло разложение натурального хозяйства, вытеснялось и ремесленно-кустарное производство. Вопреки политике самодержавия, хоть и медленно, но начинает развиваться городская промышленность; ее развитие встречало, впрочем, сильное противодействие со стороны русской империалистической буржуазии. Что касается торговли, то и она значительно выросла. Из продуктов местного производства на рынок вывозились, главным образом, продукты сельского хозяйства. Фабрично-заводские же изделия преимущественно ввозились из России и из заграницы.

В общем, несмотря на невыносимый бюрократический режим, с одной стороны, руссификацию и грубые формы колониальной политики, с другой стороны, между Грузией и Россией установилась на почве экономических взаимоотношений довольно прочная связь.

VII. КОЛОНИЗАЦИЯ ГРУЗИИ.

Захватив сперва Грузию, русское самодержавие путем обмана, лжи, кровопролитных войн, разоряя и разрушая целые районы, закончило, приблизительно, к 60-ым годам XIX столетия, свое победоносное шествие покорением всего Закавказья.

Русское правительство для утверждения своего господства и превращения Грузии в колонию прибегало к целому ряду испытанных ими в других колониях средств. Одним из таких методов своего укрепления самодержавие считало колонизацию края. Несмотря на то, что местное крестьянство терпело нужду в годных для обработки землях и что свободный земельный фонд был невелик (еще при Паскевиче более 200 тыс. десятин земель в Закавказьи было роздано выселенцам из Персии и Турции), привлекавшиеся властью колонисты довольно щедро наделялись землей. В начале своего завоевательного движения русские власти насаждали и усиленно поддерживали русские военные колонии при штаб-квартирах войск. Затем в Закавказьи, в частности и в Грузии, в качестве колонистов использовались сосланные сюда русские сектанты и раскольники, которых самодержавие преследовало в метрополии. Русскими крестьянами заселялись такие богатые районы Грузии, как Карталиния, Кахетия, Борчалинский уезд.

Кроме того, несколько деревень было заселено еще немцами, греками. В 1828 году, по окончании войны с Турцией, к России отошли прежняя Самцхе-Саатабаго (Ахалцихский уезд) и Джавахетия (Ахалкалакский уезд), но населявшие их омусульманенные грузины не пожелали остаться под владычеством России и переселились в Турцию; русское же правительство разрешило поселиться в этих провинциях армянам и грекам — выходцам из Турции. Усиленно заселялось русскими поселенцами Черноморское побережье: Абхазия, Аджаристан, население которых, не же-

лая выносить режим грубого колониального угнетения, вынуждено было переселиться в Турцию. Таким образом, Грузия сделалась еще более пестрой по этническому составу населения, чем она была раньше. Что касается городов, здесь усиление пришлых этнических элементов шло иначе, именно путем появления множества чиновников и купцов иных народностей, которым предоставлялись особые привилегии и льготы. Так создавались кадры, которым русское правительство доверяло. В то время как местное крестьянство было лишено всего, оставаясь и после «реформы» в полукрепостнической кабале, было отдано на разграбление помещикам, вырождалось, — переселенцев, в особенности немцев-колонистов и русских, правительство наделяло наибольшими льготами. Только в одной Тифлисской губернии выделили немецким колонистам 14.890 десятин самой лучшей казенной земли, так что на каждого немецкого поселенца приходилось более, чем 22 десятины, тогда как на каждого грузинского крестьянина едва приходилось от 1 до 2 десятин. Кроме того, немцы и отчасти русские колонисты пользовались разными льготами также в сфере налогового обложения, кредита и др., тогда как грузинское крестьянство было всего этого лишено.

Каковы должны были быть результаты такой политики? Раньше всего, пестрота населения: страна заселилась разными народностями, отличавшимися друг от друга языком, культурой, бытовыми особенностями, традициями прошлого; различия их в настоящем еще углублялись далеко неодинаковым отношением к ним правительства. На этой почве можно было ожидать между ними трений и развития антагонизма, а с другой стороны, — ухудшения экономического положения грузинского крестьянства, а, может быть, в дальнейшем и его ассимиляции. Но расчеты самодержавия не оправдались. Нельзя сказать, чтобы между грузинским населением и пришлыми элементами существовали особенно хорошие взаимоотношения. Однако, можно категорически заявить, что эти взаимоотношения никогда не обострялись до открытой вражды. Правда, пришлые элементы жили обособленно, замкнуто, особенно немецкие колонисты. Они вели себя так, как будто вокруг никого, кроме них, не было, и старались не входить с мест-

ными жителями ни в какие взаимоотношения. Жили замкнуто, только для себя, считая себя «высшей расой». Приблизительно также замкнуто жили русские сектанты, и только православные русские крестьяне достаточно сблизились с грузинскими крестьянами. С последними произошло любопытное явление: эти русские крестьяне не только не обрусели грузин-крестьян, а скорее сами огрузинились. Так случилось, например, в Кахетии, в Боржомском районе и т. д.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Тогда, как пришлые элементы в основном остались в стороне от массового крестьянского движения, крестьянство Грузии выступило на активную и решительную борьбу против крепостнических отношений и колониального угнетения со стороны русского самодержавия.

Вообще же по поводу колониальной политики русского правительства в Грузии следует сказать, что она совершенно обанкротилась и не достигла поставленной цели.

VIII. ЛИТЕРАТУРА, ШКОЛА, ПРОСВЕЩЕНИЕ.

С XIX века начинается объединение Грузии в одно экономическое и культурное целое. Но это объединение не было результатом естественного и органического развития. Оно происходило сверху, насильем. Грузией управляло и решало ее судьбу русское самодержавие, которое рассматривало эту «окраину», как свою колонию, относилось враждебно к трудящимся, без различия национальностей и религии. Поэтому, оно и не могло заботиться об улучшении и защите интересов трудящихся масс. Не вызывает сомнений вопрос, могло ли русское правительство заботиться о грузинской художественной литературе, о грузинской культуре. Было ли оно заинтересовано в развитии грузинской литературы, театра и вообще искусства? Само собой разумеется, нет! Наоборот, поскольку оно вело колонизаторскую и обрусительную политику, постольку оно должно было не только препятствовать развитию культуры в завоеванных странах Закавказья, но и разрушать местные культуры вовсе, с тем, чтобы искусственно насаждать и развивать тем самым свою культуру. Это была политика руссификаторства, и эту политику русское правительство проводило со дня своего утверждения в Грузии. Так, например, с самого начала во всех государственных учреждениях оно ввело русский язык. Хотя массовое обрусение и не стало совершившимся фактом, но грузинский язык все же постепенно терял значение в глазах самих же грузин, так как, зная только свой язык, грузин не мог поступить ни на государственную, ни на общественную службу. Интересно отметить следующий факт: руссификации больше поддавалось дворянство, чем крестьянство. Очень скоро большая часть грузинского дворянства постепенно забывала грузинский язык и усваивала русский, что можно объяснить только тем, что пользование русским языком при имевшихся условиях больше отвечало его классовым интересам. Этой же

тактике последовало в дальнейшем и большинство буржуазии в Грузии.

Грузинская же интеллигенция — выходцы из дворянства, торговой и промышленной буржуазии, беспрестанно жаловалась и оплакивала падение грузинской культуры и грузинского языка, но это были только слова, объективно же эта интеллигенция помогала политике руссификации. Это доказывало, что интеллигенция не была связана с грузинскими трудящимися массами и не выражала их интересов. Правда, интеллигенция часто говорила красивые слова, даже как-будто жалела «бедного крестьянина», но это не было искренним выражением ее чувств. Только в конце XIX столетия в грузинской действительности появляется новый поток, — маленький кружок, который ничего общего не имел с прежней дворянско-буржуазной интеллигенцией. Эта новая интеллигенция корнями была связана с трудовым населением. Появление этого нового течения мы могли бы связать с именем Д. Чонкадзе, если бы он не стоял совершенно обособленно, как одинокий рыцарь. Трудно связать его с тем поколением 80—90 годов, которое мы назвали новым потоком. Но духовно мы можем Д. Чонкадзе связать, через посредство поэта рабочего Иосифа Давиташвили и беллетриста-публициста Игнатия Ингорква (Ниношвили), с той интеллигенцией, которая в конце XIX столетия стала во главе революционного движения рабочего класса. Только эта интеллигенция понимала и знала нужды и запросы трудящихся и могла говорить на понятном для них языке. Только с этого времени начинается активное выступление на общественной арене грузинского рабочего и крестьянина, только отсюда начинается литература и журналистика, подлинно связанная с трудовыми массами. Если до сих пор для «народа» что-нибудь делалось или писалось, это происходило без участия самих трудовых масс. Автор «Грузинской словесности» — А. Хаханашвили в введении к своей книге говорит: «В 1801 году Россия покорила Грузию, она в ее пределах расставила войска, уничтожила ее собственное правление, ограничила, сузила ее органическое, собственное развитие общественных сил, старейшую же культуру подчинила совершенно чуждой ей культуре, зарож-

денной на другой почве. Эта перемена наложила глубокий отпечаток на дальнейший ход характера грузинского народа и преградила дорогу развитию самосознания. Столкновение старого и нового течения рождало ожесточенную борьбу в мировоззрении народа»¹.

А. Хаханашвили прав только в том, что столкновение старого «течения», т.е. грузинских бытовых форм, с новым «течением», т.е. с русскими административными порядками и законами, — вызвало жестокую борьбу, но он ошибается, или, во всяком случае, очень преувеличивает, доказывая, что в 1801 году вооруженный старейшей культурой народ подчинился возвращенной на совершенно иной почве культуре и что ограничено было органическое развитие общественных сил. Следовало бы спросить: где же была эта культура? В чем заключалось вооружение народа старой феодальной культурой в начале XIX столетия? Все, что мы знаем относительно этого времени, явно доказывает, что гордиться тогдашней культурой наш народ не мог. Народная масса была истерзана, разорена. Разве можно было говорить тогда о просвещении и школах? Школы существовали только при монастырях для горсточки правящих, и в них обучались только сыновья царей, князей и вельмож. Для народа школ не существовало. Тогдашнее просвещение было замкнуто в монастырях, и для крестьянской массы оно было одинаково недоступно и бесполезно. Поэтому мнение о том, что дальнейшему развитию грузинской культуры и самосознания была преграждена дорога — далеко от истины. У нас тогда, и помину не было о газетах и книгах. Правда, книги имелись, но только рукописные (о печатных книгах духовного содержания можно не говорить), и поэтому книгу трудно было достать. Читатели находились только в среде высшего духовенства и дворянства. Из этого социального слоя и выходили писатели и поэты. Но они не касались жизни крестьян. На литературу и поэзию они смотрели, как на развлечение.

Совершенно иную картину увидим, если коснемся существовавшего в старой Грузии государственного строя и

¹ А. Хаханашвили. «История грузинской словесности» (XIX век), стр. 5.

общественного уклада, с одной стороны, и быта, — с другой. Все это представляло большое своеобразие, по существу и духу отличавшееся от нравов, обычаев и государственного уклада России. И когда они встретились — неизбежно должна была начаться борьба. В этой борьбе на одной стороне была государственная власть со сложным аппаратом — войсками, полицией, законами и карательным механизмом, — начиная с тюрьмы и кончая каторгой и смертной казнью. О какой-либо справедливости и гуманности говорить не приходилось. Господствующие классы Грузии пошли на примирение с самодержавием, но масса эксплуатируемых оказалась в трагическом положении. Отображения такого положения мы не находим ни в одном художественном произведении того времени. Только позднее, в восьмидесятых годах XIX века повести Ал. Казбек дают отражение этого неравного боя. Но Ал. Казбек касается только одной части Грузии. Несмотря на то, что произведения его представляют большую художественную ценность, они насыщены идеализацией старых нравов и крайне односторонни. Кроме того, когда Казбек создавал свои художественные произведения, эта борьба уже потеряла свою остроту.

Что собой представляла литература в начале XIX столетия? Кому она была нужна? Только бездельникам — для праздного времяпровождения. Таковыми были грузинские помещики, грузинское дворянство. «Для него (т.е. для дворянства), — говорит А. Хаханашвили, — в начале девятнадцатого столетия литература была забавой, простым времяпровождением. Литературные вкусы и литературные воззрения его носили случайный характер и были совершенно оторваны от жизни. Конечно, такая литература теряла общественное значение и культурную ценность. Представители дворянства, которые держали и шашку и перо, в произведениях рисовали свое душевное состояние... Они идеализировали старое время, когда, якобы, существовали отцовские взаимоотношения между помещиком и крестьянином»¹. Это точно выражает характер грузинской литературы в первой половине девятнадцатого

¹ А. Хаханашвили, стр. 7.

столетия. Дворянско-аристократический отпечаток лежит и на литературе второй половины этого столетия, только с той разницей, что в это время, особенно в восьмидесятых-девяностых годах, в литературную среду, которая прежде состояла исключительно из представителей дворянства, вторгся новый поток, истоком которого был трудовой народ: сельский и городской рабочий и ремесленник... Этот новый поток не остался незамеченным теми, которые мнили только себя господами литературы. Эти господа новое явление встретили с возмущением и насмешкой. Они инстинктивно почуяли, что рано или поздно они потеряют господство в литературе, и с этим им не легко было примириться.

Борьба в литературе в середине второй половины XIX столетия была слабым отражением того, что происходило в социальной действительности. А происходило то, что уже разгоралась борьба между пролетариатом и буржуазией, и еще более усилились противоречия между крестьянством и грузинскими крепостниками.

В первой половине XIX столетия грузинской литературы — в современном значении этого слова, — не существовало. Несмотря на то, что были стихотворцы, были и обладавшие большим талантом поэты, и все они воспевали лишь красоту и любовь или же оплакивали потерю политической независимости и т. д., но с настоящей жизнью не имели ничего общего. Такими были Ал. Чавчавадзе, Гр. Орбелиани и др. Несколько особняком стоит поэт Николай Бараташвили. Его поэзия более глубока, она не лишена общественного характера. Поэт горюет о судьбе родины, размышляет о жизни, смерти и т. д., но его поэзия не затрагивает судьбы обездоленного крестьянства, она выражает идеологию того же деградировавшего, грузинского дворянства. Теперь достоверно известно, что Н. Бараташвили защищал крепостнические отношения, и его воздыхания о свободе и прочих возвышенных предметах, по существу — не что иное, как вопли о падении грузинского феодализма.

В первой половине XIX столетия мы видим также попытки создать прессу. Первая грузинская газета вышла в 1819 году под названием «Грузинская газета». Она была

основана при высшем управлении Грузии для официальных и политических сведений.

До нас дошло только несколько номеров этой газеты, которые хранятся в музее Грузии. Эта газета выходила в неделю раз. На первой странице изображен старый грузинский герб — святой Георгий на коне¹. Газета эта закрылась в 1821 году. В 1832 году Соломон Додашвили основал новую газету «Тбилисис Уцкебани» (Тифлисские известия). Но она прекратилась в том же году, так как издателя сослали в Сибирь за участие в заговоре. К сожалению, сведений об этой газете имеется очень мало, так как правительством были уничтожены все номера. После этого, в первой половине XIX столетия на грузинском языке не выходило ни одного периодического издания. Только в 1852 году Георгий Эривостов стал издавать ежемесячный журнал «Цискари». С этого времени в литературе и публицистике начинают трактоваться некоторые общественные вопросы, несмотря на то, что крепостничество еще господствовало во всей своей силе. По внутреннему содержанию журнал «Цискари» был очень слаб; нельзя даже назвать его журналом, это скорее сборник писем и рассказов. Язык его также хромал. Он походил отчасти на древне-церковный, отчасти же находился под влиянием русского языка. Хотя язык самого редактора Георгия Эривостова в его произведениях был чисто народный, но он еще не решался перенести его на страницы журнала. Издание «Цискари» прекратилось в 1854 году, но в 1857 году было возобновлено Иваном Кереселидзе, который издавал его с большими затруднениями до 1870 года. В 1863 году Илья Чавчавадзе стал издавать журнал «Сакартвелос Моамбе», который просуществовал только один год, а в 1864 году под редакторством И. Окрочедлишвили стала выходить сельско-хозяйственная газета «Гутнис Деда».

Более прочную основу имела первая грузинская ежедневная газета «Дроеба», которая начала издаваться в 1866 году. Учредителями ее были Н. Гогоберидзе, Ст. Меликишвили и Д. Тулашвили, которые сначала создали ти-

¹ Наверное, этим руководствовались меньшевики, когда принимали герб Грузинской демократической республики.

пографию, а потом пригласили редактором молодого писателя Г. Церетели. С 1869 года редактирование газеты было возложено на С. Месхи. В этом же году был основан журнал «Мнатоби», который закрылся в 1872 году. Кроме того, с 1868 года выходила основанная Г. Церетели газета — «Соплис Газети», просуществовавшая до 1875 года. В 1873 году выходил еще журнал «Кребули». В 1877 году Илья Чавчавадзе вновь вернулся к прессе и основал еженедельный журнал «Иверия». В 1879 году редакции журнала «Иверия» и газеты «Дроеба» объединились, но в 1885 г. «Дроеба» закрылась, и осталась «Иверия»; с 1886 года «Иверия» начала выходить как ежедневная газета под редакторством Ильи Чавчавадзе; ее издание продолжалось вплоть до 1907 года.

С 1893 года стал выходить, под редакторством Георгия Церетели, еженедельный журнал «Квали» («След»), который действительно оставил след в грузинской литературе. В 1894 году под редакторством Ал. Чкония был основан журнал «Моамбе». Нужно отметить еще периодические издания, которые выходили в различное время и в разных местах. Ежедневная газета «Шрома» издавалась в гор. Кутаисе с 1882 по 1884 г. г. Под редакторством Михаила Гургенидзе был основан журнал «Имеди», который просуществовал три года. Далее идут детские журналы «Нобати» и «Джеджили», а также еженедельный журнал «Театр» и сельско-хозяйственная газета «Меурне». Я не включаю сюда периодических изданий, которые выходили в Грузии на русском и армянском языках, как «Кавказ», «Тифлисский вестник», «Новое обозрение», «Тифлисский листок», «Мшак» и др. Таким образом, газетное дело на грузинском языке в течение XIX столетия сильно подвинулось вперед, тогда как в начале этого же столетия его совершенно не существовало. Нужно ли говорить, что существование грузинской газеты всегда встречало на своем пути много препятствий? Теперь трудно представить, в каких условиях находилась тогда вообще пресса, а в частности грузинская пресса. Главными препятствиями были финансовые затруднения, кроме того, деятелей прессы ждала суровая борьба, необходимость отказа от личных интересов, требовалась выдержка и стойкость в борьбе против оскорбитель-

ной инертности и иронического отношения со стороны общества. Но все эти трудности забывались перед тогдашней цензурой, которая была беспощадна и жестока. Несмотря на это, грузинская газета все-таки проложила себе путь (нужно отметить большие заслуги в этом отношении газеты «Дроеба») и заслужила доверие читателя. Газета постепенно распространялась и вырабатывала общественное мнение. А это уже было большое дело.

Я считаю необходимым ближе подойти к рассмотрению прессы и литературы второй половины XIX столетия. Во всяком случае, сказать кое-что о главных направлениях совершенно необходимо.

Хаханашвили, говоря о художественной литературе шестидесятых годов, в частности о значении Ильи Чавчавадзе, говорит: «Илья Чавчавадзе в 1861 году поднял в журнале «Цискари» знамя освобождения. А в 1863 году в своем «Сакартвелос Моамбе» он поставил своей целью вести жестокую борьбу с крепостничеством»¹. Такой взгляд на Илью Чавчавадзе совершенно неправилен. Во-первых, вести борьбу с крепостничеством в 1863 году было уже поздно, так как его уничтожение уже было решено «сверху». Совсем другое дело — вести борьбу с остатками крепостничества; но и здесь Илья Чавчавадзе оказался целиком на стороне бывших крепостников, он оказался защитником всех привилегий дворян. Небезинтересно привести другое место из книги Ал. Хаханашвили, где он сам себе противоречит. Он пишет: «Под влиянием буржуазных экономистов Сейса и Бастия Илья Чавчавадзе написал «Жизнь и Закон» и захотел установить общественные взаимоотношения на принципе дворянско-патриотическом» и пр. Илья Чавчавадзе, как и Акакий Церетели (тоже выдающийся поэт), как Вахтанг и Григорий Орбелиани и многие другие — всегда старался доказать, что до водворения русского владычества в Грузии крепостничество носило характер отеческого попечения помещиков о крестьянах, а не рабства. Илья Чавчавадзе, как образованный человек, находившийся некоторое время под влиянием русского освободительного движения (Чернышевского и Добролю-

¹ См. упомянутую книгу, стр. 81—82.

бова), был лишь противником старых методов крепостничества, жестокого и грубого обращения с крестьянами, но вовсе не был против того, чтобы крестьяне находились в полном подчинении у дворян. Одним словом, он желал, чтобы волки и овцы жили в мире и полном сотрудничестве. Но это было невозможно... Конечно, Илья Чавчавадзе был большим писателем, и этого никто не отрицает, но мы должны отметить, что он своим талантом и знанием служил именно дворянству и, в меру своих сил, поддерживал устой буржуазно-помещичьего общества. То же самое нужно сказать про Акакия Церетели. Господство Ильи Чавчавадзе в грузинской литературе (в прессе) начинается с половины семидесятых годов прошлого столетия, когда он оставил службу мирового судьи и стал руководителем дворянского земельного банка. В 1864 — 1877 годах он стоял далеко от литературы, в которой царили другие фигуры. Это были вдохновители газеты «Дроеба»: Георгий Церетели, С. Месхи, Н. Николадзе, К. Лордкипанидзе и др. Они скорее стремились выступать в защиту крестьянства, боролись против ростовщиков, чем отстаивали интересы дворян; этим они резко отличались от школы Чавчавадзе и его последователей. Эта группа, сравнительно с группой Ильи Чавчавадзе, была более прогрессивной. Но после того, как вновь вернулся к литературе Илья Чавчавадзе (теперь уже — руководитель дворянского банка), а в особенности после того, как объединились редакции «Дроеба» и «Иверия», — в грузинской литературе стало господствовать направление Ильи Чавчавадзе, взявшее в свои руки как бы монополию над грузинской литературой. Такая роль Ильи Чавчавадзе в грузинской прессе и литературе продолжалась с небольшими перерывами почти до девяностых годов. Это был период упадка грузинской прессы по сравнению с периодом «Дроеба». Главными темами, выдвинутыми возглавляемой И. Чавчавадзе прессой, были вопросы о дворянском банке и дворянской школе. К началу девяностых годов к этим вопросам присоединился еще вопрос грузино-армянских взаимоотношений. Грузино-армянские отношения начинают обостряться именно с этого времени — с 1890 года, после выборов в Тифлисскую городскую думу.

Что касается вопросов общественного развития, Илья Чавчавадзе начал поход в своей газете против ломки и разрушения патриархально-натурального хозяйства. Для него осталась не замеченной, даже непонятой, та новая эпоха в жизни Грузии, начавшаяся в 70—80 годах, которая характеризовалась появлением и развитием капиталистического производства. Пытаясь доказать, что между помещиком и крестьянином существует полное единодушие и солидарность, и что против этого выступают только «враги отечества», Чавчавадзе и его сторонники упорно отворачивались от действительности и не хотели видеть, что в общественной жизни Грузии появился новый фактор — городской пролетариат, которому предстоит совершить настоящую революцию в общественном и государственном строе. И когда этим господам цифрами и фактами доказывали, что в нашу жизнь вторгся капитализм со всеми своими положительными и отрицательными сторонами, что и у нас рядом с буржуазией вырастает рабочий класс, они теряли равновесие и призывали своих «верноподданных» к крестовому походу против тех, которые это доказывали. Чего только не сочиняли «рыцари» из лагеря «Иверии» и «Моамбе» против так называемых «месаме даселеби» (третье поколение), т. е. против марксистов. Несмотря на то, что в этой борьбе на стороне лагеря Чавчавадзе были все преимущества: сравнительно хорошо подготовленные литературные силы, материальные средства, а в нужные минуты и поддержка власти, — несмотря на все это, люди этого лагеря оказались побежденными. Победа марксистов, этой сравнительно маленькой группы, объяснялась тем, что они правильно понимали и отражали действительность. Такова была сила логики и фактов.

Поход против «иверийцев» начала группа «квалистов». К концу XIX столетия грузинские марксисты, как мы уже отметили выше, были известны под кличкой «месаме даселеби» или «квалистов». Это название давало тогдашним грузинским марксистам то преимущество, что прикрывало пропаганду учения Маркса — Энгельса от покушений самодержавной власти и цензуры. Но это же обстоятельство породило большую путаницу в истории грузинского марксизма. Многие забывают тот факт, что не все попавшие в

список «квалистов» или «месаме даселеби» были настоящими марксистами.

Является, вопрос, что представлял из себя журнал «Квали»?.. В начале он был иллюстрированным приложением детского журнала «Джеджили», где часто печатались письма клерикально-патриотического содержания. В 1893 году там было напечатано несколько публицистических и критических статей марксистского направления Е. Ниношвили, вот и все. Так продолжалось до 1898 года, когда «Квали» принял определенно марксистское направление, хотя его не всегда удавалось отстаивать в чистоте. Этому было много причин. Некоторые марксисты склонялись к национализму (Ной Жордания, Л. Дарчиашвили); кроме того, не нужно забывать, что «Квали» был легальным органом, а в легальной прессе тогда трудно было до конца проводить правильную марксистскую линию. К тому же, многие из тех, которые именовали себя «месаме дасели», или «квалистами», или даже считались марксистами и писали в «Квали» — не были настоящими марксистами. Этот вопрос требует специального изучения. Все же необходимо подчеркнуть, что несмотря на многие недостатки и на то, что в «Квали» в различное время принимали участие публицисты разных убеждений и направлений, этот журнал все же сослужил большую службу развитию грузинской общественной мысли и самосознания грузинского рабочего класса. Здесь же нужно оговориться, что не будь «Квали» Георгия Церетели, грузинский марксизм все-таки зародился бы неизбежно, но важно то, что к концу девятнадцатого столетия мы могли уже наблюдать достаточно ожесточенную борьбу — пока только в прессе — между марксистами, с одной стороны, и националистами разных оттенков — с другой. Характерно, что националисты часто подражали русским «народникам» (Михайловскому, Кривенко, Воронцову и др.). Скоро эта борьба из области теории должна была перейти и на почву политической борьбы, но эта задача досталась уже двадцатому столетию.

Повторяю, грузинская литература и пресса в течение XIX столетия сделали большой шаг вперед. Больше того, определенно можно сказать, что грузинская пресса берет свое начало и значительно развивается именно в течение

этого столетия. XIX столетие, особенно же вторая его половина, обогатило грузинскую художественную литературу. Особенно важное значение в нашей литературе имеет тот новый поток, представителями которого были сначала Д. Чонкадзе, после Иосиф Давиташвили, а затем Игнатий Ниношвили, окончательно оформившийся в грузинской литературе, как выразитель интересов рабочего класса и трудящихся крестьян.

Ниношвили — один из лучших беллетристов, был в то же время одним из основоположников марксизма в Грузии.

Два слова о школах и народном просвещении. Известно, что школа и религия являются сильнейшим орудием в руках всех правительств и господствующих классов в деле укрепления своего господства. Во времена самодержавия со школой и учебой мирились постольку, поскольку это было совершенно необходимо для самодержавия. Школа, конечно, преимущественно, служила орудием для порабощения рабочего класса. Но в Грузии к этому добавлялось еще другое несчастье, а именно: обучение даже в начальных школах происходило на непонятном для детей языке (русском). В первое время школы существовали лишь для детей дворян, чиновников и состоятельных слоев общества. Народные школы в Грузии появились только во второй половине XIX столетия (с 1880 г. г.). Народ, особенно в Имеретии, быстро осознал значение школы и ринулся к просвещению. Но ясно, что в этом ему не давали простора. В последние годы XIX века для затемнения сознания крестьян и трудящихся города придумали новые типы школ — приходские, т.е. церковные школы, где обучение детей начиналось, правда, на грузинском языке, но зато ум детей притупляли совершенно бесполезными, просто вредными предметами, священным писанием, вероучением. Это был уж упадок школьного дела. Но мы знаем, что в Грузии некоторые слои общества очень любили эти приходские школы. Я приведу из отчета учебных заведений Кавказского округа несколько характерных сведений, относящихся к 1891 году. По гор. Тифлису мы имеем след. данные:

В 1-й гимназии	682	ученика,	из них:	грузин	113,	армян	192,	русских	26.
Во 2-й	524	"	"	"	100	"	141	"	204
В 3-й	310	"	"	"	36	"	176	"	69
В реальн. учил.	362	"	"	"	36	"	106	"	164
В кадетск. корп.	415	"		из них грузин	только	83.			

В процентном отношении учащиеся гор. Тифлиса распределялись так:

В 1-й гимназии	грузин	16,6,	армян	28,2	русских	38,4
Во 2-й	"	19	"	26,9	"	38,9
В 3-й	"	11,6	"	56,7	"	21,3
В реальн. учил.	"	9,9	"	29,3	"	15,3

Приблизительно таким же было положение и в городских училищах (см. газ. «Квали» 1893 г., № 9).

Из этого можно заключить, что состояние среднего образования в Грузии и в среде грузин было очень безотрадное. Причиной этого был классовый характер образования в те времена; тогда образование могли получить, главным образом, дети богатых, грузины же были беднее других национальностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Подводя итоги всему сказанному, можно сделать следующие общие выводы:

1. Ориентация на Россию в конце XVIII столетия со стороны Грузии была наиболее приемлемой. Правда, мыслился и другой выход, — это ориентация на Персию, и на Турцию, но нам кажется, что это было бы гибелью для грузинского народа. В конце концов, руссификаторская и колонизаторская политика русского самодержавия в Грузии потерпела полный крах. Сопrotивление этой политике со стороны грузинского народа (я имею в виду основную массу его — крестьянство и рабочий класс) оказалось достаточно сильным.

2. Рабочий класс Грузии в конце XIX века выходит на историческую арену и начинает играть руководящую роль. Национализму и шовинизму дворянства и буржуазии пролетариат противопоставляет свою классовую политику и интернационализм. Так мы вступаем в XX столетие, в период первой революции 1905 года, когда рабочий класс выступает со своей четкой программой против самодержавия, против буржуазии и против всякого национализма и шовинизма. Никаких элементов национализма и шовинизма в те годы в рабочем классе Грузии не было, и только впоследствии, когда меньшевики перетягивают большинство рабочих на свою сторону, они начинают обрабатывать рабочий класс в духе национализма и шовинизма, хотя на словах и прикидываются интернационалистами. Впоследствии, однако, меньшевики обанкротились, прежде всего, как социалисты и как революционеры. Но в данной книге речь не идет об этом периоде.

Заканчивая наш беглый очерк развития Грузии в XIX столетии, хочу сказать следующее: на примере Грузии в полной мере оправдались слова Энгельса о взаимодействии политики и экономики. В самом начале XIX века в

Грузии произошел политический переворот сверху, извне, для чего еще в условиях Грузии не было соответствующей материальной базы, но с течением времени политика русского самодержавия создала почву, создала все условия для зарождения и развития революционного движения рабочего класса, создав условия для той роли, которую пролетариат должен был сыграть впоследствии.
